

Канта Ибрагимов

---

# Детский мир

Канта Ибрагимов

**Детский мир**

«Издательские решения»

**Ибрагимов К. Х.**

Детский мир / К. Х. Ибрагимов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-858670-5

Герой романа «Детский мир» — Мальчик, который живет в придуманном им же самым мире, как во сне: иногда по-взрослому страшном и кошмарном, иногда по-детски иллюзорно-наивном и счастливом. В основе сюжета — судьбы людей, прослеженные автором на протяжении более пятидесяти лет века, прошедшего на фоне драматических, а порой и трагических событий, происходящих в мире нам современном... Роман впервые был опубликован в 2005 году.

ISBN 978-5-44-858670-5

© Ибрагимов К. Х.  
© Издательские решения

## Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Пролог                            | 6  |
| Глава первая                      | 21 |
| Глава вторая                      | 24 |
| Глава третья                      | 42 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 46 |

# **Детский мир**

**Канта Хамзатович Ибрагимов**

© Канта Хамзатович Ибрагимов, 2017

ISBN 978-5-4485-8670-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

## Пролог

Вновь и вновь я возвращаюсь на это место. И стою. Стою, ни о чем не думая, я опустошен, и только отрешенным взглядом надолго погружаюсь в мутные воды Сунжи, а река все течет, как много лет назад, и в ней, мне кажется, тоже нет былой страсти и задора. Все-таки зима, пора утомониться.

Пора бы и мне утомониться, отступить и позабыть все. Но не могу, не могу. Я должен, я обязан рассказать о своей вине, о нашей общей вине, о нашей общей трагедии... Не впервой, не впервой я прихожу на это место, и жду, жду, что меня наконец-то наполнят силы и я смогу приступить к главной картине своей жизни. Но – увы!... И я почему-то всегда вспоминаю предисловие Чингиза Айтматова к повести «Первый учитель»: – «я боюсь не донести, я боюсь расплескать полную чашу». К сожалению, повторяюсь, я пуст, я сник, но я мечтаю, я живу надеждой, я хочу, я очень хочу написать эту главную картину своей жизни. И не в первый раз я приступаю к ней, но не решаюсь, не могу, нет сил, боюсь. Мечтая об этом, с позволения сказать, полотне, я уже истратил немало красок, да все о другом. А эта картина преследует, и, пытаясь с чего-то начать, я вновь и вновь прихожу на это место и долго-долго стою, чувствуя скорбь, вину, утрату думать, думать, не могу, только память осталась, и я, не вглядываясь, просто направляю глаза на мрачно-волнистый глянец реки – и будто на экране вижу фильм: красивый, красочный фильм со зловещим концом. И я не хочу его смотреть, да оторваться не могу, а уйду – тянет меня сюда, что-то зовет, в груди сосет, и я иду, иду вновь на этот пустырь, где иссохший по зиме бурьян пробился сквозь былой асфальт и цемент, да так и застыл, будто бы испокон веков и на века. И только Сунжа течет; она все видит, все знает, все помнит. Помню и я.

Помню, здесь был цветущий, светлый город Грозный. Говорят, что Грозный и сейчас есть. Так это только говорят: кругом пустырь, вдалеке руины, а остались лишь грозное название города и безликие души, как тени в нем, и все в черном; и хоть зима и снег, а мрачно, тяжело, грустно. И все же, как во сне, я помню прекрасный Грозный; город, в котором я когда-то родился, вырос, учился, работал. И именно на этом месте я и тогда, в молодости, подолгу стоял. Здесь, на набережной Сунжи, был роскошный, вечнозеленый парк с фонтанами и аллеями. А через Сунжу был мост. Позже, когда построили большой новый мост, этот старый мост сделали пешеходным и на нем посадили по краям пестрые цветы. Так и назвали мост – цветочным. И этот цветочный мост упирался в старинное, красивое, полукруглое здание, в одной половине которого размещались госучреждения, где когда-то работала моя любимая девушка, которую я вечерами после работы поджидал, облокотившись на перила цветочного моста. А другая половина здания была жилой, а на первом этаже – большие стеклянные витрины и много-много игрушек – это был «Детский мир». Да, у меня был детский мир – и вообще иной мир до поры зрелости. Да, мне очень повезло! А какое детство и юношество у нынешних детей Грозного? Вот о чем речь. И как об этом людям поведать? Ведь кругом зловещая пустота, и даже от мостов ничего не осталось, только пара плит об опору зацепились, кое-где снежным пушком покрылись, небось ждут, что их когда-нибудь поднимут, вновь мост соорудят. Жду и я, мечтаю и свой мост перекинуть, правда в прошлое, но не в то пестрое и благоухающее, когда я был мал, да юн. Знаю, лучше того времени нет и не будет... Да я об ином. О чужом детстве, о другом, более позднем времени. Правда, мосты еще стояли, хотя разруха уже шла.

Было это в первую чеченскую компанию. Именно в компанию. Потому что война в Чечне – это война в Чечне; где-то далеко, в глуши, в горах, так там войны испокон веков – привыкли. А компаниям война нужна, ведь это шумовой фон, громоотвод, красочная деко-

рация, за ширмой которой идет не менее жестокая война за разворовывание госсобственности, за новый передел мира сильными мира сего.

Да Бог с ними. Так неужели он с ними? Фу ты! Что за кощунство?! Да я не о том, совсем не о том. Словом, в первую чеченскую кампанию, помню, как сейчас, дело было тоже зимой, где-то перед самым Новым, 1996-м годом. Я из Москвы полетел домой, в Чечню, к старикам-родителям, которые никак не соглашались покинуть родину. Мой путь пролегал в объезд Грозного, на «перекладных», через многочисленные блокпосты с очередями, с проверками, с поборами, с унижениями и оскорблениями. И все же я добрался до родных, а там и стены помогают. Не смолкающая сутками канонада и рев авиации, стали как бы неизбежной чертой быта; по крайней мере местные вроде ко всему попривыкли, вот только сердца у некоторых не выдерживают – не железные. И все же жизнь в прифронтовом селе идет, есть и базар, есть и шабашники (хоть куда отвезут – лишь бы платили). Через пару дней оклемался я в кругу родни и решился в Грозный ехать: было дело, должник мой давний и с этой властью в чиновники затерся, якобы столицу после бомбежек уже восстанавливает, в общем, капиталец должен быть. Стали родные меня отговаривать, мол, опасно, кругом стреляют, а такие, как я – не местные, да на вид богатые – прямо на блокпостах пропадают. Однако денежный аргумент всегда превалирует – повез меня двоюродный брат в город, да не напрямую, где километровые очереди на блокпостах, а объездной дорогой, чтобы побыстрее. А там тоже блокпост, только пустынно и тишина, лишь Аргун даже зимой камни с гор перекатывает. Посмотрел военный на мою московскую прописку, чуть подольше на лицо, властно помаанил пальчиком из машины и, что-то прикидывая, с ног до головы внимательно пробежался глазами по моему длинному дорожному пальто.

– За мной, – лишь процедил он, и, небрежно сжимая мой паспорт, тронулся в сторону железобетонных укрытий.

– Молодой человек, молодой человек, – бросился я вслед и что-то стал еще мямлить, на ходу залезая в карман.

– Знаю я вас, «ученых», – услышал я из-за широкой спины. – Все вы бандиты, а ты, по роже видно, – рэкетиер.

Дольше мешкать нельзя, до мрачных укрытий с десятков шагов, и я не грубо ухватил военного за бушлат в районе локтя, обегая, преградил путь, пытаюсь всучить деньги.

– Уйди с пути, – брезгливо глянул на содержимое моего кулака, – там особист ждет.

Отпихивая меня, военный хотел было тронуться, но тут мой двоюродный брат подошел. Что-то говоря о моей профессии, он умело, сходу вложил в руку военного крупную рублевую банкноту; видя реакцию – вторую, третью. И после паузы, чуть ли не прикрикивая на меня: – «дай ему зеленую бумажку!» Я полез в другой карман, где хранилась пара столотолларовых купюр.

– Ладно, проезжайте, – улыбнулся военный, – я передам на следующий пост, чтобы вас пропустили.

Мигом мы бросились к машине, и только тронулись, как буквально преградил нам путь местный мужчина.

– Не едьте туда, не едьте, – на чеченском взмолился он. – Мой брат, тоже приезжий, на днях вот так же на этом посту откупился, а на следующем исчез и ни слуху – ни духу, никто ничего не знает, ни за что не отвечает.

Не долго думая, мы стали разворачиваться и услышали в окно:

– Эй, ты! А ну пошел! Еще раз увижу твою харю, – и снова грубый мат, а вслед автоматная очередь, мы, тормознув, оглянулись, – слава Богу, в воздух, – вновь тронулись, и мне все казалось, что брат зачем-то на ухабах сбавляет ход, бережет какую-то машинную железяку.

А пару дней спустя все позабылось: деньги всегда нужны, а в войну особенно, и я решил поехать в Грозный по-иному, попроще, на маршрутном микроавтобусе. Вот уж кто

в любой ситуации не пропадет. На блок-постах сплошной гуманизм: общественный транспорт вне километровой очереди, все водителя уже знают – таксу отдал и вперед, хоть на Грозный!

Город Грозный... Неужели такое возможно? Как до такого дойти? И если бы я в то время знал, что это только «цветочки», то я бы этого не вынес. А тогда, от злобы скрежеща зубами, я пытался уговорить свое разрывающееся сердце и, то ли обманывая себя, то ли еще как, больше пытался думать о личных делах, о должнике и деньгах и подспудно тешил себя мыслью, что я, а хоть и уроженец Грозного, но уже не грозненец москвич, там у меня теперь квартира, работа, семья.

Сойдя с микроавтобуса, я сразу же нанял такси. Водитель оказался не уроженец Грозного, даже родился где-то далеко. Правда, теперь он грозненец и, может, привык, может, крепится, а может, все в себе скрывает, но вид у него неунывающий – тоже хоть куда готов тебя отвезти, лишь бы платили, а как иначе и где иначе? Правда, названий улиц он не знает. Ориентиры: базар – вокзал – блок-пост.

Зато я все помню, и как бы Грозный не раз бомбили, узнаю все. При подъезде к центру города затеплилась надежда: масса людей, меж руин – базар, и так он разросся и вроде все на нем есть.

А новое правительство Чечни расположилось в здании НИИ, и здесь сплошное столпотворение, как перед спектаклем – вот где таится интерес!

Вход в здание охраняют бравые молодцы с надписью на груди «московский ОМОН». Меня за земляка не признали, к уговорам отнеслись прохладно, направили в бюро пропусков, а там тоже столпотворение, тоже нужна заявка – словом, замкнутый круг; более двух часов я месил грозненскую липкую грязь и уже посматривал на часы, прикидывая, не пора ли мне восвояси, как неожиданно встретил старого знакомого – ныне чиновника средней величины, который без особых проволок смог меня провести до искомого кабинета.

Мой должник оказался большим начальником, впрочем, им он при всех режимах умудрялся стать. Большая приемная, два секретаря и даже охранник здесь. Однако перед последним бастионом я проявил решительность и прыть. Хозяин кабинета в первый момент оторопел, даже лицо вытянулось, а потом уж очень мило улыбнулся, живо встал из-за стола, обнимая, поглаживая, усадил, крикнул: «чай, рюмки».

Пить коньяк я отказался, а хозяин все жаловался, как ему нелегко восстанавливать Грозный, на что я не посмел сказать: «Сам и разрушал». Тем не менее я вяло выдавил:

– Верни, пожалуйста, долг.

– Да-да, конечно, только об этом печалюсь. Э-э, ты зайди-ка ко мне через пару дней.

Я вмиг представил как тяжелы для меня эти поездки, и уже более твердо заявил:

– Без денег не уйду, ты уже пять лет меня за нос водишь.

– Ну, кто такие деньги в кармане носит? – не без усмешки.

От всей обстановки я и так был озлоблен, а тут такой тон.

– Я в долгах, и без денег не уйду, – повысив голос, повторил я, так что охранник заглянул в кабинет.

– Хорошо, хорошо, – вскочил хозяин, и, поглядывая на часы, – у меня сейчас совещание с военными, ну-у, минут пятнадцать-двадцать. И потом я решу твою проблему. А ты пока что посиди в приемной. Девочки, чай или кофе гостю!

– Мне далеко, в село ехать надо, – о своем печалился я.

– Не волнуйся, на моей машине отвезут – спецпропуск, даже охрану дам. – И уже в дверях: – А может, сегодня у меня переночуешь? – и, моргнув, двусмысленно жестикулируя, вполголоса: – Отдохнем по полной программе. Такого даже в Москве нет.

– Меня дома ждут, – как можно строже ответил я.

Когда я уже допивал вторую чашку чая, запиликала рация охранника, и он вышел. Потом ушла одна девушка, а другая уж очень громко отвечала в телефон, что начальника ни сегодня, ни еще неделю не будет – в командировке. Я все сидел и думал, что это версия для назойливых посторонних, пока девушка не сказала:

– Рабочий день закончился. Я обязана опечатать кабинет и сдать ключи охране.

– Что-о-о? – Я чуть ли не заикался. – А он не приедет?

Обманутый в очередной раз, вяло соображая, я попытался покинуть огромное, опустевшее здание, но меня не выпускали – требовался какой-то пропуск с отметкой, а у меня никакого пропуска и не было. Приходя в себя и вспоминая повадки московской милиции, я было полез за кошельком, да тут подоспела секретарша, помогла мне выйти.

Уже сгущались сумерки. Дул колючий ветер, нагоняя жесткий редкий снег. От былой толпы лишь тысячи следов на мрачноватом насте и поразительная тишина, только учащенный стук каблучков, заглохший за поворотом.

Поднимая воротник, ежась, в ту же сторону, к базару, заторопился и я. За углом мрак вымершего города. Я побежал. Поскользнулся раз, два – устоял, на третий плашмя угодил в рытвину. Проклинаю весь свет, зачем-то пытаюсь облагородить свой попорченный импорзантный облик, еще более размазал грязь. Плюнув на все, побежал дальше сквозь дворы, где провел все детство и молодость. И странное дело, никаких чувств или эмоций. Это чужой город, он разбит, захламлен, и отсюда задолго до войны я уехал. А детство? А память? То было не со мной. Или в другой жизни. И не хочется то счастье с этими руинами связывать.

Вот и базар. Здесь оживленно, какой-то пьяница, как и я, вымазанный, да не печалится, еще залихватскую песнь орет. С ходу я заскочил в переполненный микроавтобус, у самых дверей примостился на корточках. Я даже не успел рассчитаться за проезд, как мы подъехали к мосту. Да, к этому месту, где я сейчас стою.

Раскрылась дверь, и я еще не увидел лица, как ощутил терпкий запах перегара и грубую команду:

– Мужчины, на выход! Документы!

Всем паспорта вернули, а мой стал снова под фонариком рассматривать.

– Что ж ты из Москвы сюда приперся?... Что? К родителям? А кто в грязи вывалил столь роскошный прикид?

Пока я мямлил, выскочил водитель, засуетился вокруг военного, пытаюсь что-то еще всучить.

– Этот тип подозрительный, – заключил военный и, видя, что водитель не отстаёт, рявкнул: – А ты давай проваливай! Живее, освободи проезд!

– Ну, пожалуйста, отпустите его. Уже темно, он мой родственник, – не унимался водитель.

– Прочь, я сказал! – заорал военный, и вдруг вскинул короткий автомат и очередью прямо под ноги водителя.

Машина тронулась, остановилась, и сквозь открытую дверь на чеченском:

– Парень, как тебя зовут и откуда ты?

Я было ответил, но все заглушила стрельба по верх микроавтобуса.

Ткнули в спину, и на ходу я озираясь в очередную машину, пытаюсь сквозь свет фар увидеть помощь. Но было не до помощи. Каждый должен был выживать сам, и действия водителя – уже был подвиг.

За тщательно огороженной территорией темное строение из железобетонных блоков. Меня провели сквозь недолгий лабиринт с едким запахом консервов и курева, и мы оказались в довольно светлой комнате, с большим деревянным столом с остатками еды, с нарами, на которых, укрывшись в ватник, скрючившись лежал военный в грязных сапогах.

– Кузьма, вставай, принимай товар. Вроде день не зря прошел, – с некоторой игривостью прокричал мой провожатый.

Лежащий сопя перевернулся, медленно принял сидячую позу, долго протирал отекавшее лицо грязной рукой, потом будто нехотя долго листал мой паспорт и с ленцой пробасил:

– Все содержимое карманов на стол. Часы тоже. Лицом к стене, – следующая команда. – Руки вверх. Шире ноги, еще шире, вот так, – по голеностопу пришелся удар сапогом. С меня сняли шапку, пальто и даже пиджак; грубые руки стали шарить по телу, а Кузьма продолжал допрос:

– Я снова спрашиваю: цель приезда? А чем занимаешься в Москве? Небось, боевиков финансируешь?

Еще много было вопросов такого же содержания. Уткнувшись лбом в холодный бетон, я что-то лепетал в свое оправдание. И тут, словно приговор:

– Отправьте его в штаб.

– Так БТР уже ушел.

– Хм, что, до утра его с собой держать?

– Зачем? Как обычно, стемнеет – и к рыбкам, в Сунжу.

Не знаю, может они и шутили, но мне было не до шуток, затряслись коленки и я раз-вернувшись, стал умолять:

– Отпустите меня, отпустите! Все что хотите заберите, и отпустите. Никаких боевиков я не знаю.

– К стене, лицом к стене! – рывкнули на меня, прикладом прошлись по ребрам, так что умолк, от боли еле дышал, но инстинкт требовал выжить на пределе, и в возникшей страшной тишине почуял какую-то перемену, в подтверждение этого я услышал хорошо поставленный приятный баритон:

– Кузьмин, вы опять на ночь глядя бардак учиняете?

– Никак нет, товарищ капитан! Весьма подозрительный тип. Нужно проверить.

– Может побудешь с нами? Сейчас ужинать будем, – очень мягко произнес обладатель баритона.

– Нет-нет, спасибо, я дома поужинаю. Отпустите меня, я ни в чем не виноват, – не оборачивая головы, скороговоркой выпалил я, думая, что это ко мне обращаются.

– Замолчи, урод! – перебил меня прокуренный бас.

– Отставить! – приказал баритон.

И тут наступила странная тишина. И почему-то страх мой исчез, и ощутил я спиной, прямо вдоль позвоночника, к затылку, странное приятное тепло, будто меня благодатно погладили. Вслед за этим непонятные легкие шажки, меня коснулись теплые ручки, и я, боясь повернуть голову, только взором повел вниз; и навстречу глаза – большие, детские, светло-карие глаза, и них необычный вопрос, и смотрят они не в лицо, а прямо в душу, словно хотят меня понять.

Этот взгляд был так проникновенен, так чарующ, с такой добротой, из иного мира, что я невольно уткнулся глазами вновь в сырой бетон.

А ручки, поглаживая меня, зашли с другой стороны, и мне показалось, чуть за карман дернули, вновь зовя и одновременно взбадривая. Вновь лишь взглядом скользнул я вниз, вновь наши глаза встретились, теперь надолго, и трепетная волна вполне осязаемо прокатилась по всему моему телу. Вначале мне стало стыдно, а потом как-то умиротворенно, даже возвышенно над этой брэнностью людской, так, что я отпрянул от стены, осторожно коснулся головки мальчика и, поглаживая, ее свободно развернулся и первым делом увидел перед собой опрятного подтянутого капитана.

– Отпустите его, – впервые я услышал голос мальчика, и этот голос был низкий, с детским баском и с хрипотцой простуды.

– Ну, – очень вежливо, даже галантно склонился капитан перед мальчиком. – Понимаешь, у нас, у взрослых, не так, как в сказке. А есть какой-то порядок.

– Бабушка Учитал говорит, что у взрослых все – не порядок.

– Ну, «Учитал», – так же исковеркал баритон, – где-то, может, и права.

– Учитал всегда плава, – назидательно перебил мальчик, – она фи-зил-ас-лоном, – по сло-гам, картавя продолжил, и после паузы, вздохнув, – она и со звездами говорит.

– Да-а, языкаястая бабулька, – съехидничал кто-то в сторонке, там же раздались смешки.

Капитан лишь насупленно в ту сторону глянул, и смешки прекратились, а он, вновь подобрав лицом, склонился к мальчику:

– А ты завтра придешь?

– Учитал не лазлещает, здесь стлеляют.

– Ну что ты, дорогой! Кто же здесь стреляет?

– Только что стлеляли, – с такой укоризной, что на минуту все мы, взрослые, замерли, и как бы в оправдание, старший по положению мягким, ласковым баритоном ответил:

– Так это в воздух, для порядку.

– От стлельбы «полядку» нет – одна лазлуха, и папа с мамой плопали, – глядя прямо в глаза капитана, громким баском сказал мальчик и жестом указал на автомат. – А оздух стлелят солсем нельзя – туда ведь улетел мой щалик. И оттуда, когда я сплю, плилетают мои папа и мама, если вы ночью не стлеяете. Но вы каждую ночь стлеяете, и мои папа и мама уже давно ко мне не плилетают. И щалик не прилетает. Вы все время стлеяете.

– Мы не стлеяем, мы от бандитов отстреливаемся.

– Бабушка Учитал говорит: кто с олужиём – все бандиты.

– Вот карга вонючая, – оживились в углу.

– Прибить дуру надо, одичала средь варваров.

– Ха-ха-ха! – загоготали, как безумные.

Мальчик резко отпрянул от меня, от нас всех, прильнул к бетонной стене, съежился, маленькими испачканными ручонками прикрыл головку, и лишь глаза, эти большие блестящие глаза учащенно заморгали, но прямо, пытливо глядели на солдат, стремясь понять их.

– Кузьмин! Твою мать! – пропала изысканность в голосе капитана. – Пшел вон! Все вон отсюда!

– Ну-ну, не усердствуй, все мы на посту, – пробурчал на ходу кто-то, и уже снаружи другим певучим голосом: – А шальные пули летают, где настигнут – неведомо.

– Эх! Яблочко, куда ты катишься, – запел пропитой хрипотцой другой, – ко мне в рот попадешь – не укатишься.

А капитан подошел к мальчику, крепко прижал к себе, склонился, и поцеловав в щечку, поглаживая, мягким шепотом:

– Ты завтра придешь со скрипкой?

– Учитал заплещает.

– Тогда я сам приду, тебя послушаю – застегивая пуговицы на куртке мальчика, потом, став на колено, очень аккуратно очищал засохшую грязь со штанин, и как бы улавливая мою мысль: – Завтра пойдем на базар, ботинки зимние тебе купим.

– Бабушка Учитал и Ложа сказали, что скоро Новый год будет, им на лаботе теперь деньги дадут, и они мне все новое и ботинки блестящие купят.

– Теперь мальчик вновь выпрямился, посветлел и, заглядывая в глаза капитана, уже доверительно водил пальчиком по золотистой пуговице на бушлате, в то время как капитан, усердно возился с отклеившейся подошвой на ботинке мальчика, пытаясь крепче перевязать ее шнурком.

– А еще, а еще, – загорелись глаза мальчика. – У нас будет елка, зеленая, как в вашем телевизоре и плидет дедушка, его зовут Молоз, и он ласкает мне сказку и подалит много-

много, вот столько, – и он развел ручонки, – подалков, а там и конфеты, и шоколад, и йогурт, и яблоки, и даже бананы.

– Завтра, завтра, я тебе все это куплю, – с удивительной нежностью любовался капитан мальчиком, сидя перед ним на корточках. – Я бы тебе давно все это купил, так разве этих архаровцев одних оставишь? – тяжело вздохнул капитан, от каких-то мыслей меняясь в лице и вставая. – Тебе пора домой, стемнело.

– А вы мне еще машину купите? – оживился мальчик, снизу пытаясь заглянуть в глаза, взволнованно задышав. – Такую класную, большую, – самосвал называется. Мне папа такую в «Детском миле» покупал. Там много было иглушек, и много было детей, и я с ними иглал, и в войнушку тоже. А вы не умеете иглать, и автоматы у вас воняют, они глянзные, не такие, как в «Детском миле» были. А где сейчас «Детский мил»?

Я увидел, как в страдальческой гримасе изменилось лицо капитана, дернулись сжатые губы, и как он увел растерянный взгляд в сторону.

– Так где же «Детский мил», где? – слегка дергая бушлат военного, повторил мальчик, и не дождавшись ответа, перевел вопрошающий взгляд на меня, прямо в глаза. – А вы дядя, знаете, где «Детский мил»?

Я оторопел, тоже отвел взгляд и потом, ища поддержки, посмотрел на военного; наши глаза встретились, и я не знаю, что он прочитал в моих, но в его глазах была крайняя тоска и усталость.

А мальчик, не дождавшись ответа, с детской непосредственностью продолжал:

– Вот видите, ничего вы не знаете. Значит, плохо учились. А бабушка Учитал все знает. И она говолит, что «Детский мил» там, где мои папа и мама, и скоро они все велнутя, и щалик велнется... Может, даже сегодня ночью, если вы опять стлелять не будете.

– Так кроме нас кругом стреляют, кругом бомбят, – виновато развел руками капитан.

– Да-а – как-то не по-детски вздохнул мальчик, опустил голову и, уже не глядя на нас:

– А когда же ваша война кончится?

– Скоро, скоро кончится, – совсем неуверенно сказал капитан, кладя руку на голову ребенка.

А мальчик вновь устремил взгляд на военного и совсем тихо:

– Вы давно обещаете. Пойду домой. Учитал, может плишла, волнуется, искать будет. Снова полугает, – он сделал пару шажков к выходу, остановился, обернулся, и очень ласково: – А вы мне и домой покушать дадите?

– Конечно, дам. Вот пакет я тебе приготовил.

– Спасибо. Вкусный у вас хлеб. А Учитал меня лугает, говолит, я поплошайка. Но они тоже кушают. А денег у нас давно нет.

Мальчик двумя ручонками буквально выхватил пакет, не удержал, положил и с нескрываемым любопытством заглянул в него:

– О-о! Моложеное!

– Это не мороженое, – также склонился военный. – Зимой мороженое не едят. Это масло, вот сгущенка. Ты ведь любишь сгущенку?

– Ой, как я люблю сгущенку! Это объедение! На хлеб намажу и буду долго-долго есть!

– Ну, давай, уже поздно, – настойчивые нотки зазвучали в голосе капитана, – мои ребята тебя проводят.

– Не-не, не надо, – широко раскрылись глаза мальчика.

– Учитал и Ложя военных боятся. Меня лугать будут.

– А как ты пакет унесешь? Да и темно уже.

И тут без заминки мальчик сказал:

– А меня дядя пловодит.

– Он задержан, – командный тон появился вновь в голосе капитана.

– А зачем его заделживать? – удивленно продолжил мальчик. – Ведь он без олузия.

– Это жизнь, война – назидательно сказал капитан, и, вздыхая – Понимаешь?

– Не понимаю, – в глазах мальчика появилось то ли смятение, то ли еще что, и он вновь вглядывался прямо в глаза офицера. – А вы ведь говорили, что жизнь – это сказка, а сказка и есть жизнь.

Капитан потупился, нервными движениями достал из кармана сигареты. И в это время мальчик подошел ко мне, взял за руку:

– Отпустите его, пожалуйста, – сказал он так же просяще, как ранее просил еды.

Офицер медленно прикурил, часто глубоко затягиваясь, провел тяжелым взглядом по всей моей фигуре.

– Не думайте о нем плохо.

– Откуда тебе знать, как я думаю? – отводя от нас взгляд, жестковато ответил военный.

– Знаю, – как-то загадочно произнес мальчик, чуть погодя слегка дернув меня, – отпустите нас.

На слове «нас» он сделал до того значительное ударение, что капитан встрепенулся, резко глянул в нашу сторону, остановил взгляд на наших сцепленных руках. С нетерпением ожидая решения, я в упор смотрел на командира блок-поста, и мне показалось – не что иное, а лишь потаенная ревность тенью легла на его лицо.

– Идите, – тихо вымолвил он, устало подошел к нам, грузно сел, швырнув в угол окурков.

Я кинулся к своим вещам, в беспорядке валявшимся тут же на нарах, спешно взял паспорт со стола, а дорогая шапка, часы и кошелек исчезли. Я замялся, желая привлечь внимание капитана, но тот огрубевшей, испачканной рукой прикрыл склоненное лицо, будто испытывал боль.

– Ничего, – вновь дернул меня мальчик к выходу, – зато нам вот сколько еды дали, – он еле держал пакет, – вот будет счастье, ведь там и сгущенка есть, а с хлебом так вкусно, лакомство. Пойдем, Учитал небось волнуется, домой плишла.

Темным лабиринтом железобетона я засеменил за мальчиком. Потом был яркий свет прожекторов, и окрики военных возле запоздалой машины. Все это я пытался не видеть, и лишь когда ряды колючей проволоки остались позади, я понял, что холодная, ветреная зимняя ночь застигла меня врасплох в этом страшном разбитом городе, где отовсюду стреляют, где темное небо беспрерывно бороздят самолеты и вертолеты, и все это на фоне неумолкающей недалекой канонады по всему периметру города.

– Ой, – вдруг среди этого кошмара я услышал игривый голосок моего ведущего, – опять негодная лавязалась. – Мальчик присел, стремясь прикрепить оторвавшуюся подошву. Пытаясь ему помочь, я тоже сел, но было темно и руки мои отчего-то дрожали, и, не справившись с промоченным узлом, я второпях решил иначе – взял мальчика с пакетом на руки. – Куда идти? – озабоченно спросил я, обнаружив, что ребенок на вид хоть и худощав, да увесист, даже крепок, так что даже с некоторой силой сжал мою шею и с задором скомандовал:

– Сюда! Где «Детский мил»!

Обходя многочисленные рытвины и воронки, боясь поскользнуться, как можно быстрее я направился к мрачному полуразрушенному зданию. А мальчик, видать, уже освоившись на моих руках, чуть расслабился и – уже поглаживая мои волосы:

– Вот так же в детстве и папа меня на руках носил.

– А теперь ты не маленький? – почему-то вырвалось у меня.

– Конечно, нет. Я даже в колонии был.

– В какой колонии?

– В такой, где все бьют, чеченом обзывают. А ты ведь тоже чечен? А почему нас все бьют, все в нас стелляют?

Я не знал, что сказать, как ответить, и только сильнее прижав мальчика, еще более ускорил шаг, пытаясь внимательнее глядеть под ноги. Однако мальчик обеими руками с непонятной силой обхватил мое лицо, и не по-детски серьезно на чеченском спросил:

– И долго мы будем чеченами?

Я буквально остолбенел, даже руки мои ослабли. Я поставил мальчика на землю, а он снизу в упор все смотрел, и я не знаю, что он в потемках на моем лице видел, но я постарался собраться с силами и как мог твердо ответил:

– Мы родились чеченцами и всю жизнь должны чеченцами быть.

– Значит «Детского мила» у нас, как у других, не будет?

– Как не будет?! – озадачился я и хотел было что-то оптимистичное сказать, но в это время за рекой, прямо напротив нас как бабахнуло, аж ноги подкосились. Чудом я не упал, вновь быстренько взял мальчика и спросил о насущном: «Куда бежать?»

А в это время за спиной, от блок-поста стали беспощадно стрелять из всех видов стрелкового оружия, и я уже не слышал, что мальчик говорил; бежал вдоль разбитого здания «Детского мира», как вдруг, будто из развалин, выскочила худющая длинная фигура, от нас шаркнулась, прижалась на мгновение к стене, а потом кинулась бежать.

– Учитал! Учитал! – около уха завопил мальчик.

Существо остановилось, и в этот же момент за рекой вновь бабахнуло, да со вспышкой, так что огнем блеснули глаза женщины в очках, и она бросилась ко мне, с неимоверной силой выхватила мальчика и, увлекая его, стремглав скрылась в черном проеме арки.

Обескураженный, я застыл на месте, не зная куда податься, ведь кругом, как в кошмарном кино, стреляли, и лишь щедро поваливший снег и порывистый ветер еще резче обозначили реальность бытия, а не иллюзию видения.

Даже не знаю, что бы я предпринял, до того я был в растерянности, и все больше смотрел в сторону черного проема, ища там убежища и людей, как из этой же темноты я услышал красивый женский крик:

– Мужчина! Что ж вы так стоите? Сюда, быстрее!

Под аркой я ничего не видел, словно ослеп; и первое, что ощутил, – это прикосновение мальчика.

– Дядя пойдет к нам, ночевать, – вновь решил мою участь мальчик, и я увидел проблеск противоположного выхода, а мальчик, уже ведя меня за руку, заговорщицки спросил: – А ты сказку ласкаешь?

– Думаешь, все твою сказку знают? – теперь ласковее сказала женщина, и по голосу, и по тому, как она сильно задыхалась, я определил, что она в возрасте.

У выхода из-под арки она движением руки нас остановила, сама осторожно выплянула и, жестом дав команду, первой побежала, мы держались за руки, я был последний.

Мы перелезли через какое-то обваленное толстое дерево, обогнули громадную воронку, прежде чем проникли вновь в темный проем, называемый подъезд.

– Здесь надо быть осторожным, – она чиркнула спичками, вновь блеснули линзы ее очков. – Идите за мной, – обратилась она ко мне, а сама помогла мальчику перебраться через две разбитые ступени, где торчали только искривленные арматуры.

По довольно крутой лестнице мы поднялись на второй этаж. Я понял, что под нами был «Детский мир», а далее жилой дом.

– А Ложа что, с лаботы еще не плишла? – встревожено спросил мальчик, когда женщина завозилась с замком около двери.

– Пришла, – уже входя в жилище, с легким недовольством ответила женщина, а потом мягко, будто извиняясь: – Мы обе на работе задержались, думали зарплату дадут. Тебе б обувь, одежду купили бы.

Женщина в темноте обо что-то ударилась, кротко простонала, чиркнула спичкой, следом второй, зажигая керосиновую лампу. Сразу стало светло, чуточку легче.

– Вы проходите. Пальто пока не снимайте, сейчас печь растопим, – обратилась она ко мне и сразу же принялась обихаживать мальчика, усадив его на старый, выдавший виды большой скрипучий диван.

– Смотри, весь промок, – она с трепетной заботой стала дышать на ножки мальчика, нежно обтирала их, сморщенными худощавыми руками. – Я ведь просила, – не выходи из дома, а ты даже дверь не прикрыл, – без какой-либо, впрочем, строгости продолжила она.

– Да, я не заклил двель, – абсолютно не оправдываясь, просто констатируя, ответил мальчик. – И как бы я ее заклил? Ко мне плишел Бага весь в олузии. Я ему на скрипке играл. И в это же влемя постучал Голова.

– Капитан, что ли? – воскликнула женщина, – Ужас!

– Да конечно! – всем телом подавшись вперед, заглядывая в глаза женщины, ответил мальчик. – Уж мы-то с вами знаем, что эти бородатые дяди с олужием длуг с длугом иглают в войнушку, а в нас, плостых, не поналошке, а по плавде, до клови попадают. И я улетел бы, как шалик. И что бы вы без меня делали?

– Боже, боже! О чем ты говоришь! – она обняла мальчика, сквозь слезы и всхлипы стала целовать, и вдруг отпрянув, очень серьезно, словно ко взрослому: – А как они разошлись?

– А я, а я, – глаза мальчика в азарте загорелись, аж стал он глубоко дышать. – Я как в сказке, как вы советовали: с умом и со сноровкой действовал.

– Это как же? – удивилась женщина.

– Слышу стук в дверь, – я молчу. А Голова кликнул меня. Бага в ванную побежал. А я отклил двель и слазу сказал: «Пойдем к вам, в телевизоле мультик смотреть». А он: «Что ж ты столько дней не приходишь, Учитал не пускает?» А я ему: «Нет, ботинки совсем полва-лись», и пока он думал, быстренько: «Но с Вами пойду. А сказку ласкажите? А сгущенка у Вас есть?». «Все есть, все есть, – он сам немного толопился. Только сказал: «Ты двель на замок заклой». А я гломко, чтоб Бага слышал: «Закливать не буду. У Учитал и Ложи ключей нет».

– Ой, ты мой золотой, мой смышленыйш родименький, – женщина по-матерински обняла мальчика, несколько раз поцеловала. – Только говорить надо правильно, как я тебя учила. Не Ложа, а Роза. А ну, скажи «р-р-р». Язык к небу, к небу язык, как трактор – «р-р-р».

– Тлактолов нет – есть только танки, – строго сказал мальчик, возвращая всех в реальность.

– О Боже! – поднялась женщина. – Что ж Роза не возвращается?

– А она к боевикам пошла?

– Ну, да. Тебя дома не нашли и разбежались. Я вроде к своим, к русским, на блокпост, и она вроде к своим. Вы, – на меня впервые, изучающее глянула она, – присмотрите за мальчиком.

Несмотря на свой далеко немолодой возраст, она довольно быстро двинулась к выходу, и уже была в подъезде, когда мальчик вдруг крикнул:

– Бабушка, не идите. Вновь длуг длуга долго искать будете. Она сама плидет. Вот увидите.

Недоверчиво глядя на мальчика, женщина медленно вернулась, села около печи. И в это время в подъезде послышался шорох, звук шагов и появилась рослая женщина – плотная, смуглая, крепкая, лет тридцати.

– Ой, слава Богу, нашелся! – кинулась она к мальчику. Увидев меня, смутилась, и, уже пытаясь приглушить порыв, явно сдерживаясь, слегка обняла его, тоже поцеловала.

– Прости, – на чеченском прошептала она, – больше тебя одного не оставим. Вот что мы с бабушкой тебе принесли, – она достала из кармана несколько конфет.

– А мне Голова много кушать дал, – в присутствии обеих женщин значительно веселее, даже капризнее стал голос мальчика. – Там даже сгущенка есть!

– Ты наш кормилец! Наш золотой! – теперь обе женщины завозились вокруг мальчика.

Потом началась хозяйственная суета. Пожилая вновь завозилась возле печи. Роза взяла маленький топорик, засобиравалась на улицу, по дрова.

– Может я пойду, – впервые подал и я свой голос.

– Нет-нет, вы чужой, да и не разберетесь, – остановили мой порыв обе женщины.

Дрова были сырые, разгорались плохо, дымились, шипели, разгоревшись, с озорством трещали, вторя хилому свисту закипающего чайника. Судя по репликам мальчика, ужин в этот вечер был праздничным, щедрым; как-никак дары капитана, да гость был – так что все запасы легли на перекошенный стол – хлеб, масло, сгущенка, лук, и как десерт, чай с конфетами. И во время еды, и после, когда купали мальчика, а потом переодевали в пижаму и укладывали спать, мне все казалось (если отвлечься от мрачности жилища и нужды), что женщины-рабыни обихаживают царского сына, если не потомка какого-то божества.

– А вы что не ложитесь? – спросил мальчик, кутаясь в единственное шерстяное одеяло.

Да, наступил самый неловкий момент – где и как спать?

– Дядя ляжет на диван, а вы ко мне на кровать, быстрее, пока тихо, сказку надо начать, – распорядился мальчик. Так и поступили. Укрывшись своим пальто, свернувшись калачиком, я уткнулся носом в пролежность древнего кожаного дивана, вобравшего в себя запахи не обитателя жилища. А женщины еще недолго повозились по хозяйству, потушили керосиновую лампу, наложили в печь дров, и по ветхой скрипу кровати я понял, что они тоже легли.

– Ой, как тепло и тихо, – мальчик первым нарушил молчание.

– Может, сегодня стрелять не будут, – голос бабушки.

– Небось, тоже ужинают, водку жрут, – встряла Роза, – а потом как обычно.

– Пора б угомониться, – это пожилая. – Сколько ж можно стрелять? И откуда у них столько патронов?!

– Пока тихо – сказку начнем, – вновь басок мальчика. – Я засну, и, может, мама с папой ко мне сегодня прилетят. Кто первый начнет?

– Роза, начинай, – попросила бабушка.

– Нет, лучше вы.

– А может дядя расскажет? – оживился голос мальчика.

– Нет-нет, – спасла меня старшая из женщин, – он не знает нашей сказки, и уже, наверное, спит.

– Спать без сказки нельзя, – постановил мальчик, и чуть погодя: – давайте я начну.

Глубоко вздыхая, он стал рассказывать, и даже голос у него изменился, приобрел какую-то еле уловимую заговорщицкую интонацию.

– Ты перескочил, – вдруг прервала его бабушка.

– Да, – поддержала Роза.

– Так мы сегодня с Багой и Головой уже многое пережили.

– Что ж вы такое устроили? – озадачилась бабушка.

– А у этих военных всегда все неладно, – недовольно сказала Роза.

– Да, плохие у них сказки, – продолжил мальчик. – Но жизнь у них тоже не сладкая, хоть и сгущенку едят.

– Говорю же, не общайся с этими. И что они к тебе повадились?!

– Больше мы тебя одного не оставим... В крайнем случае с собой будем брать.

– Как «с собой»? – удивился мальчик. – А вдруг мои мама с папой придут? А они велели мне здесь их ждать.

Наступила гробовая тишина, и чуть позже тоскливый голос бабушки:

– Роза, продолжи сказку.

Прошло еще некоторое время, прежде чем она начала говорить. И начала она вяло, тягуче, так что мальчик не выдержал, перебивая ее, сам продолжил. А потом они заговорили все, будто бы соревнуясь и заглушая друг друга в споре, предлагая разные варианты и все более и более возбуждаясь и в азарте, с шепота со страстью переходя на крик.

Я все это слышал, и ничего не мог понять, ничего не мог запомнить, и мне даже показалось: может, от ужаса войны они все разом умом тронулись. И эта мысль все больше и больше овладевала мной, навевая жуть, пока после продолжительных разногласий не стала перетягивать сюжетная линия бабушки. И тогда я ощутил некоторую канву, даже понял роль и имена некоторых персонажей, и незаметно сам так поддался интриге сказки, так вслушался, затаив дыхание, что когда бабушка замолчала, я чуть не выдал: «а дальше что?» Но меня опередил шепот Розы:

– Заснул.

Я услышал как заскрипела кровать.

– Вот так ему будет свободнее, – возились они.

Потом умолкли, но по их учащенному дыханию я чувствовал, что обе женщины не спали, и будто отгадывая мою мысль, Роза сказала:

– А правильно ли мы закрутили сюжет? Поймет ли он нас?

– С одной стороны, дети нас не часто понимают, да и как нашу жестокость понять.

А с другой, наш мальчик уже столько повидал.

– Да-а, – с тяжелым вздохом. – И не простой он ребенок.

– Не простой. Поболее нас понимает, да высказать не может.

После этого они долго молчали, и вновь заговорила Роза:

– Анастасия Тихоновна, как вы думаете, завтра зарплату дадут?

– Не дадут, снова в долг возьмем. Ему обувь, да все купить надо. И елку достать, как обещали, на Новый год.

Больше ни слова не сказали, и не знаю, заснули они или нет. А я хоть и был чертовски разбит, но заснуть никак не мог, ведь это здесь давно ночь и вроде тишина, а для меня, москвича, девять-десять часов вечера – самый разгар жизни.

Наверное, еще час я лежал, боясь шевельнуться, и уже, наконец-то успокоившись, стал забываться во сне, как прямо под нами, видимо, из подворотни раздался сухой щелчок. И не то чтобы выстрел, а вроде пугача или образнее – старого пистолета. На этот «пустобрех» никто не ответил, никто не поддержал. Тогда, минут через пять-десять раздались три щелчка и ликующий воинственный религиозный клич.

На эту провокацию ответили, и не просто так, а всей силой стрелкового оружия, что имелось в арсенале блок-поста.

– Опять стелеляют, – недовольный голос мальчика, – опять никто не прилетит.

– Спи, спи, все будет хорошо. Это не в нас, – старчески-блеклым шепотом.

Вскоре стрельба прекратилась, да, оказалось, ненадолго.

Вновь под окном возглас, вновь этот ржавый выстрел и оглушительный ответ. И эта стрельба продолжалась до тех пор, пока ее не стал заглушать мощнейший рокот артиллерии, будто сошлись под Грозным две великие армады.

– Как обычно, ровно в одиннадцать, – услышал я голос бабушки.

– Все, – поддержала ее Роза, – до полуночи не угомонятся.

– Лишь бы по центру не стреляли.

– Сюда не будут, блок-пост рядом.

– Хоть одна от них польза. Спи, спи, золотой, спи. Все будет хорошо. Спи, – и еле слышимое чмоканье.

Мне казалось, что от этого то возрастающего, то угасающего гула, от содроганий всех стен и хлопков клеенки на окне я никогда не то что не засну, а просто сойду с ума, и хотел вскочить, бежать, бежать хоть куда, желательно в подвал, в укрытие, чтобы никого и ничего не слышать, и главное, чтобы меня никто не мог достать ни пулей, ни авиабомбой.

Но я был гостем и мужчиной, и сцепив зубы, свернувшись клубком, я больше чем канонаду слышал обеспокоенный ритм своего испуганного сердца. Однако жизнь неумолима, и какой бы суровой ни была реальность, а организм берет свое, и я не помню, как это случилось, но я, видимо, заснул, и что я вижу?! Шарик! Да, такой большой ярко-красный, красивый шарик. И парит он, взлетая ввысь, в лучезарные голубые просторы бескрайнего неба, пытаюсь от ужаса людей бежать. А в него с земли все стреляют, и не только из пушки и автоматов, но и из луков и просто камни летят.

– Неужели?! Неужели попадут?! – сжимается мое сердце, мне очень плохо, невыносимо. И вдруг попали!... И такой ужасающий взрыв, что меня просто скинуло с дивана, а в руках у меня мальчик, он, полусонный, весь дрожит, и сам я дрожу, сердце колотится, ничего не могу понять в смятении.

Тут зажглась керосиновая лампа, я осознал, где я нахожусь. Женщины забрали у меня мальчика, уложили на кровать. А я все так и сидел на холодном, дощатом полу.

– Вам плохо? – склонилась надо мной старшая. – Вы так бледны, и лоб в испарине.

– Не-не, все нормально, – попытался я сесть на диван, и в это время раздался бешеный взрыв, по-моему, попали прямо в наше здание, так что я вновь слетел, и пол дрожит, а сверху пыль, штукатурка все падает.

Не знаю, сколько времени я лежал на полу, ожидая нового удара. Потом осторожно поднялся: керосиновая лампа, видно, от ударной волны погасла, только тлеют угли в печи, и в этом страшном полумраке виднеется скорбная тень. Плотно прижав к себе мальчика, на кровати сидит пожилая, и, укрывая их со стороны окна, склонившись над ними, стоит Роза.

– Может, нам лучше вниз, в подвал, в укрытие, – прорезался у меня голос.

– В подвале эти, наши бородатые, – разбитый голос Розы.

– Да и мальчик отсюда никуда не пойдет, – сипло поддержала старшая.

Ожидая нового взрыва, мы вновь затихли, но ненадолго. Мальчик в руках бабушки задержался и – своим решительным баском:

– Что ж они сегодня, совсем обомлели?

– Тс-с! Не шуми! Посиди еще! – шепотом сдерживала его женщина, – будто бы по шуму нас могли определить. – И вообще, что это за слово? Так говорить нельзя.

– А бомбить можно? – обиженным тоном, и чуть погодя – совсем жалостно, тихо: – Бабуля, я описался, и еще.

– Хм, чувствую, – очень ласково, – ничего, ничего. Сейчас. Роза, зажги лампу. Давай теплую воду.

Очевидно, эта процедура была не впервой. Мальчика быстро обмыли, переодели, и думая, что более взрывов не будет, мы легли, как и прежде спать, как вновь бабахнуло; правда, на сей раз поодаль, послабее. Но все равно сердце мое вновь забилося испуганно, и тут раздался внезапный непонятный шум, и мальчик оказался возле меня; лег, прижался, а глаза его в мои в полумраке впиваются, аж блестят, и тут, совсем неожиданное:

– Дядя, ты шалик сейчас видел? Видел? Как он там?

У меня аж мурашки по коже пошли, я онемел, не зная, что ответить. Меня спасли женщины; они быстренько увели мальчика. Вновь укладывая, они ему наперебой о чем-то говорили; наверное, свою сказку. Однако я уже не слушал, не мог, не хотел, я устал, глаза слипались, а я боялся, боялся заснуть, боялся увидеть шарик. Да, я заснул, я куда-то провалился или улетел, а вокруг какие-то странные картины и видения; мне и страшно и интересно,

а в целом, я зачарован происходящим, я в сказке – и потом шарики, многомного красных, ярких шариков на фоне безграничного чистого голубого неба, и я парю среди них, и так легко, и так приятно, и звучит какая-то странная, обрывистая, как горный ручей, музыка, но удивительное дело, именно эта, вроде бы нескладная мелодия, как раз гармонирует с моим средне-небесным состоянием.

– Т-р-р-р! – жесткая пулеметная очередь. Я вскочил. В жилище светло, свистит чайник, и мальчик прямо передо мной со скрипкой в руках; такой красивый, с золотистыми кучеряшками; и прямо в глаза мои смотрит, и он уже раскрыл рот, желая что-то меня спросить, но я не удержался и опередил:

– Твой шарик красный был?

Он только кивнул, и уже глядя исподлобья, насторожился:

– А вы там моих папу и маму не видели?

Словно озноб прошелся по моему телу, до самой пятки.

– Откуда ты знаешь, что я видел? – вырвалось у меня.

– Иди сюда, – отбирая скрипку, бабушка отвела мальчика, – давайте чай пить, – и, видимо, реагируя на мой ошеломленный вид: – Не от мира сего. Удивительный ребенок.

Без чая меня не отпустили, и сидя у разбитого стола, пытаюсь избежать взгляда мальчика, я уводил глаза, будто осматривал убогость жилища.

– Вам жалко нас? – вновь поразил меня вопрос мальчика, и в его голосе был столь явный упрек, что я не нашелся, как ответить. А он в том же тоне продолжил: – Ничего. Жизнь, как сказка. Правда, бабушка? А в сказке конец всегда счастливый.

Он сидел на колене у пожилой. И неожиданно вывернул голову в ее сторону и, как только он умел, глянул в ее тусклые, выцветшие глаза под линзами очков:

– А разве конец может быть счастливым?... Ведь это все же конец?!

– Ешь, ешь. Чай остынет.

Мы все потупили взгляды.

Быстро опорожнив стакан, что-то невнятно говоря в благодарность, я стал прощаться, обещая на днях вернуться.

– Вы сказку не знаете; значит, больше не увидимся, – почему-то постановил мальчик при расставании.

Вместе с Розой я ушел. Дворами, тропинками, она вывела меня прямо к такси, к старенькой машине.

– Он знакомый, – указала она на водителя. – Надежный, все ходы знает.

Действительно, миновав все блок-посты, мы выехали за город, вроде вздохнули свободней, и тогда водитель – примерно мой ровесник, звали его Пайзул, вдруг спросил:

– Роза твоя родственница?

И пока я пытался что-то объяснить, он продолжил:

– А мальчика видел? Как играет на скрипке, слышал?... Жалко. Станный, удивительный ребенок!

– Да, – лишь это смог сказать я, и только тогда, по скрежету пыли на зубах, по пороховому смраду во рту я ощутил запах, жестокость и ужас войны.

...В родное село не пускали. Вокруговую блокировано, всюду танки, солдаты, в небе вертолеты, где-то стреляют, – «зачистка». Однако Пайзул оказался общительным и пробивным малым, нас пропустили. А дома по мне с ума сходят, думали – пропал.

Поддался я мольбам стариков, на следующий же день окольными путями покинул воюющую Чечню и вылетел в Москву. Знал, что мой должник в Москве, у своей семьи, к Новому году обязательно объявится. А мне как раз к Новому Году надо было погашать банковский кредит.

Видимо, война меня озлобила; действовал я жестко, решительно. Словом, мои финансовые проблемы в основном утряслись. И, правду сказать, не на Новый год, а в первые дни января 1996 года я твердо собирался в Грозный: мальчик звал, ой как звал; и шарик, этот красный шар, каждую бессонную ночь пред глазами являлся. И купил же я уже билет, и уже готовился вылетать, как позвонили из Чечни: близкий родственник осколками ранен, везут в Москву на операцию.

И тогда и сейчас я могу что угодно городить, но дело в одном – смалодушничал. И пока я вновь собирался в Грозный, кончилась зима. А весной в город вошли боевики, точнее, они всегда там были, но до того враждующие стороны как-то вроде уживались. А тут вновь масштабные бои в центре Грозного, и я туда уже не сунусь, боюсь; все дни смотрел в телевизор, может, хоть дом, где «Детский мир» покажут.

Не показали, и вроде улеглось. И тогда я не поехал в Грозный. Действительно, были дела – готовился к предзащите. Так и лето пришло. А в августе вновь на город напали боевики, вновь там война. И все же есть конец. Подписали дружеский договор. Российские войска ушли. В Чечне вроде мир, вроде свобода.

Как раз в октябре я защитил диссертацию, и еще с недельки две оформлял бумаги, а потом, уже поздней осенью, наконец-то добрался до освобожденного Грозного.

О, ужас! Что я вижу! Да ничего я не вижу. «Детского мира» нет, блокпоста нет, мостов нет, ничего нет. Лишь пустырь, словно и не было здесь громадных строений, не было города, не было людей.

Не найдя утешения на земле, я глянул в небо, вдруг там шарик. А небо низкое, мрачное, холодное, – время вновь к зиме.

А тешил себя иллюзией, что бабушка «Учитал», Роза и Мальчик скорее всего ушли, когда здание «Детского мира» сравнивали с землей. И правда то, что я пытался их найти. А время летело, и я понял, что больше я Мальчика не встречу. Да оказалось, что я с ним и не расставался, эти, как звездочки, глаза, всегда передо мной. И я хочу, я очень хочу, чтобы Мальчик и с вами не расставался, чтобы был со всеми с нами. Всегда!

Смогу ли? Не знаю. Но душа болит, и я, как Бог даст, постараюсь донести до вас эту сказку как жизнь, или жизнь, странную, как сказка.

## Глава первая

Даже маленький Мальчик знал, что все к Земле притягивается, ею держится, к ней стремится, а тут случилось неладное, удивительное.

Как-то, уж очень сильно проголодался он и решил буквально на минутку к блок-посту побежать, хлебушка попросить. А здесь невидаль какая! Война в самом разгаре, кругом бомбят, а кто-то решил жениться, даже свадьбу сыграть.

И вот хилая процессия пересекала мост, и никто бы просто так и не догадался бы, что это свадебный кортеж, да один шарик – большой, ярко-красный, и не простой, а вверх, в облака устремленный – выдал затею.

Через мост, мимо блок-поста без мзды никто не проедет, а при таких мероприятиях – «сам Бог велел», и велел небось немало; так что шел неуместный со стороны процессии торг. И в самый разгар Мальчик подошел:

– Какой класивый шалик! – воскликнул он.

– О, здоров малыш, – отвлекся от службы командир. – Что, шарик понравился? Гм. Ладно, ради Мальчика сжалюсь: отвязывай шарик, и с миром – совет вам да любовь!

У Мальчика и раньше были шарики. Правда, не такие, а маленькие, но с рисунками, но как их ни бить, хоть и легкие, а невысоко взлетали – и к земле. А этот шарик странный: к руке его привязали, а он аж вверх от земли рвет, того гляди с собой унесет.

Позабыл Мальчик о хлебушке, на радостях побежал домой. И как дядя командир советовал, только войдя в подъезд попытался развязать узелок – одной рукой не смог; уже войдя в жилище, ножичком веревочку перерезал, а шарик под потолок – и не достать. Пошел Мальчик на лестницу – там длинная палка. А в доме стекол нет, всюду сквозняк гуляет, и шаловливый ветерок заиграл с шариком, пощекотал его бока, поманил с собой в даль небесную, туда, где воля и простор.

С ужасом раскрыв рот, Мальчик видел, как неугомонный шарик, вроде с лентой, с неохотой, цепляясь за верхний карниз, виновато выполз из его квартиры, а в подъезде во всю прыть устремился вверх по лестничному пролету – и прямо в раскученное ракетой окно.

Бросился Мальчик за ним, крикнул: «Стой! Куда!? Побудь со мной!» И шарик ему внял. С началом революции в Грозном электричества нет, а после и быть не могло, новые грозненцы, будто захватчики, лишь разрушали лихо, а электропровода своровали в первую очередь – как-никак цветной металл; нам не нужен, к свободе идем! И так получилось, все провода унесли, а во дворе Мальчика два проводка остались, то ли не смогли сорвать, то ли поленились. Да случайностей на свете не бывает: угораздило шарик попасть как раз меж этих проводов – там он и застрял.

Заскулил Мальчик, слезу тихонько пустил, а громко плакать не посмел, от этого его отучили. Так посидел он в разбитом проеме немало, додумался в помощь взрослых позвать.

Пришел командир российского блок-поста, да не один, с охраной. Почесали они затылки – высоко; предложили одно – пулнуть.

– Нет, нет, только не это. Вы шарик убьете, – закричал Мальчик. – Уходите!

Только они ушли, как из-под земли объявились чеченские боевики. Эти тоже почесали бороды – то же самое предложили. Попытался Мальчик и этих дядей спроводить, – ни в какую, чешутся у них руки – услышать хлопок, будто мало их в городе.

А вскоре бабушка Учитал пришла. Да что ее слушать – русская дура. И, наверное, назло ей и пулнули бы, да рядом блок-пост, до ночи подождать придется. Но вслед за бабушкой, к счастью, и Роза подросла. Вроде и знает мальчик чеченский язык, да что сказала Роза, не слышал. Только видел, как боевики погрызались и исчезли незаметно, как и пришли.

А была осень. И хоть ясный день, и теплый, а солнышко быстро садится, за руинами скрылось. И шарик будто бы на солнце обиделся, слегка сморщился, потускнел, и даже меньше стал, и тут явно дернулся. Потом еще и еще, и вдруг, когда совсем сумерки среди руин стали сгущаться и провода стали не видимыми, словно их и нет, выскочил шарик из западни и быстро взлетел, пока не достиг высоты, чтоб людские пули не достали. А там, на свободе, на фоне нежно-синего вечернего неба он вновь засиял алым светом и долгодолго там блестел, будто звал с собой Мальчика. И может быть, дозволялся бы, да день кончился, солнышко спать ушло, шарик в ночном небе растворился, и вместо него бесконечное множество звезд, и лишь две родные звездочки блещут в слезинках на щеках Мальчика.

– Пойдем домой, холодно, – склонилась бабушка Учитал над Мальчиком.

– Почему он улетел? – с такой обидой сквозь всхлипы. – Почему, объясни ты, Учитал?!

– Ну, понимаешь, – прерывисто-натужен голос бабушки, – есть такое понятие, как гравитация, когда все тела в мире друг к другу притягиваются.

Не зная, как продолжить, она тяжело вздохнула, и тогда заговорила Роза:

– Это бабушка как ученый физик-астроном рассуждает, а на самом деле все гораздо проще – не мог красивый шарик ужаса войны видеть, вот и улетел.

– А куда он улетел? Что там?

– Там космос, звезды, бесконечная Вселенная.

– И к какой звезде он полетел?

– Э-э, – замешалась бабушка Учитал, и вновь на помощь ей пришла Роза, по молодости ляпнула:

– К той звезде, где твои папа и мама, От тебя привет передать.

– Давайте и мы полетим к той звезде!

– Не-не, – встревожилась бабушка. – тебя ведь просили родители дома ждать, они сами к тебе придут.

– Что же они так долго не идут? Сколько я их жду!

– Придут, придут, обязательно придут, – склонилась над ним бабушка. – А теперь пошли домой, – и видя, что мальчик упирается, она, пойдя на компромисс, приняла версию Розы: – Вот, наверное, скоро шарик до них долетит, от тебя послание передаст, и они тебя навесят. Может, даже сегодня, когда ты заснешь. А теперь помашки звездочкам ручкой, пожелай всем спокойной ночи – и пойдем домой вечером, потом спать, чтобы хороший сон нам приснился.

– Они могут сегодня придти?! – даже в темноте заблестели глаза мальчика, и смотрел он снизу вверх одновременно и на женщин, которые знали все, и на звездное небо, где было все.

Ужинали не хитро – чай сладкий, много хлеба и две конфетки для Мальчика, одна шоколадная.

Перед сном ходили к разбитому проему между третьим и четвертым этажами, откуда шарик улетел. Любовались звездным небом, и бабушка Учитал впервые показала Мальчику Млечный путь, Полярную звезду, Большую и Малую Медведицы, созвездие Ориона.

– А на какой звезде мои папа и мама? – повторил Мальчик вопрос.

– Они сами тебе расскажут. Пошли спать, пора.

Ночей Мальчик боялся, но ждал, ждал родителей, что прилетали во сне. Обычно он ложился ничком, прикрывал головку ручонками и под мышки бабушки. А когда начинали стрелять и бомбить, он еще глубже пытался залезть как будто под землю. Но эта ночь выдалась на редкость спокойной: тишина, мирная тишина, так что даже слышно течение Сунжи. И Мальчик в эту ночь не обмочился, но спал тревожно, все время дергался, норовил одеяло скинуть, и смеялся, смеялся, и что-то бессвязно бормотал.

И как обычно, раньше всех с зарею он вскочил, рассеянно посмотрел вокруг, побежал. Женщины думали, что в туалет. А он вдруг тихо простонал:

– Где они? Где?... Неужто улетели?!

Услышав скрип балконной двери, бабушка о страшном подумала, и зная, что с утра ее суставы не слушаются, закричала:

– Роза! Вставай! Быстрее!

Мальчик уже стоял на разбитом балконе и сквозь слезы всматривался в озаренное рассветом небо, что-то выискивая, и в лице его было столько разочарования, вопрошания и мольбы, что мир должен был бы его понять, но миру было не до этого. Напротив, в этот момент раздался рядом оглушительный взрыв. Ударная волна оттолкнула Мальчика внутрь, в то же мгновение подоспела Роза.

– Ты что!? Ты что?! – надрывно крикнула она, сжав со всей силой Мальчика.

– Они были, были здесь!... Почему они ушли? Почему они не забрали меня и не остались со мной? – слезы щедро текли из его глаз.

Эти «почему» и «куда ушли» с щемящим унынием повторялись весь день с небольшим перерывом, когда Роза принесла с базарчика блестящую игрушку. Однако игрушка оказалась некачественной, вскоре развалилась, а дело было к вечеру, и это еще больше усугубило гнетущее настроение Мальчика. А когда наступила ночь, ночь в осажденном городе, где с темнотой до предела стервенеет наступление и канонада, как фейерверк победы, – Мальчик совсем потерял покой, и началась такая безудержная истерия, что он весь покрылся красными пятнами, а потом пошла носом кровь.

Женщины запаниковали, сами рыдая заматались в беспомощности вокруг Мальчика, и неизвестно, к чему бы это привело, да вдруг Мальчик умолк, как-то странно, даже сурово посмотрел на кровь на полу и своим недетским баском с хрипотцой твердо сказал:

– Нам плакаться нельзя – побьют, – и в упор глянув на бабушку: – Я их столько жду, а они ушли, – развел он ручонками. – Вы ведь, бабушка, знаете, куда они ушли?

– А-а-а, – замешкалась бабушка.

– Знает, знает, все знает, – вступилась Роза. – Вот сейчас ляжем спать, и бабушка Учитал тебе все расскажет, и все будет хорошо.

– «Хорошо»? – насутился мальчик. – Значит, сказку?

– Ну-у, – чуть ли не хором вздохнули женщины. – Ведь сказка – это жизнь, а жизнь – это сказка.

## Глава вторая

Точного возраста, и тем более даты рождения Мальчика никто не знал. Так это не беда. Хуже было то, что ни он сам, и никто иной не знали его подлинного имени и фамилии. Правда, попавшего в «колонию», его по-новому нарекли, но это имя к нему не прижилось, и как принято в таких казенных заведениях, получил он кличку. Просто спросили его: «кто он такой»? Он по-чеченски ответил – «кант». Рядом стояла более взрослая девочка-землячка; она и перевела – мальчик. Так он и стал Мальчиком.

Сказать, что у Мальчика не было детства – не совсем так. В том-то и дело, что детство первоначально как раз у него было счастливым и благодатным.

Его отец, молодой милиционер, был на редкость чадолюбивым горцем. И несмотря на то, что с началом смутных времен зарплату защитникам правопорядка платили все реже и реже, он как-то изыскивал возможность содержать семью, а для единственного ребенка делал все, что мог, и все свободное время проводил с ним, будто знал, что осталось недолго.

В конце 1994 года в Чечне началась жесточайшая война. Многие предусмотрительно разбежались из Грозного. А отец Мальчика, даже не офицер, простой старшина, поддался уговорам убегающего руководства и с долгом стал исполнять обязанности начальника РОВД одного из районов столицы республики.

Видимо, он был человеком ответственным и смелым. По крайней мере он до последнего, как мог, нес службу, и лишь, когда в здание милиции попало несколько ракет, он покинул пост, да и то наиважнейшую документацию, кое-какой архив умудрился перевезти домой.

Однако вскоре здесь, в самом центре Грозного, в двух шагах от президентского дворца, разгорелись самые жаркие баталии. Только тогда отец Мальчика понял, что российские войска явились в Чечню не для того, чтобы навести конституционный порядок, а чтобы воевать, как можно дольше воевать. И он осознал, что долг только один: надо спасти семью.

Где-то в последние промерзшие дни декабря, в утренней передышке от артобстрелов, он посадил жену и Мальчика в свою старенькую машину. И успел только мост через Сунжу переехать, как попал под автоматный обстрел: машина как решето, заглохла, и просто чудо – никого не задело, все выскочили из автомобиля. А короткие очереди продолжались. И тогда, защищая семью, отец Мальчика впервые в жизни применил табельное оружие – два автоматных рожка ушли на подавление неизвестного противника.

Продолжить побег из города он не решился. Прижимая к груди сына, подгоняя жену, пешим вернулся к своему дому. А здесь эпицентр событий. Почти все жители центра Грозного покинули столицу, и только несколько русских семей, и то, в основном, пенсионеров, остались тут – им некуда и не на что было бежать.

С десятков жильцов дома «Детского мира» около месяца скрывались в подвале здания, ежеминутно ожидая чего угодно.

Это была не жизнь, а сплошной кошмар. От непрекращающихся бомбежек старое дореволюционное здание постоянно трясло, и казалось, вот-вот оно рухнет, заживо погребая всех.

В одном отсеке подвала кое-как оборудовали печь – там спали попеременно, и только Мальчик оттуда не выходил – его оберегали все, он был лучом надежды и радостью. И еды было мало, очень мало, и первая порция – Мальчику. А самое тяжелое было с водой. Каждую ночь отец Мальчика и еще один старичок совершали рискованные рейды до Сунжи. И илистая вода уже пахла не только пороховой горечью, но и, как настойчиво воображалось, даже кровью, и ее пили, ее берегли, ею дорожили.

Этот неполный месяц длился бесконечно, и даже руки вымыть воды не хватало. А вот Мальчика, по настоянию стариков, дважды искупали, и не просто так, а с целым ритуалом, и все принимали участие – это было некое торжество, даже радость, а по существу – посильный гимн жизни!

В последние дни января 1995 года взрывы в центре Грозного практически прекратились, как миновавший ураган, куда-то удалились. А потом и стрельба пошла на убыль, и стало тихо, совсем страшно. Будто в могиле провели еще день-два, и даже к реке бегать боялись. Однако голод и жажда похлеще страха. Стали к реке ходить – по два-три раза за ночь, а потом и днем.

Затем то одна, то другая старушка на свет Божий повадились выходить. Родной город не узнать: все в руинах, в грязи, кое-где еще черный дым валит, всюду трупы; воронья, крысы и диких собак – не разогнать. Да, слава Богу, хоть густой снег повалил, будто хотел все это одичание скрыть.

Пару дней центр города пустовал, лишь изредка по проспектам, как на параде, медленно колонны бронетехники проползут. А потом то там, то здесь, из подворотен да из подвалов темные, грязные, измученные люди, а точнее тени появились, и в увеличенных от голодной жизни, широко раскрытых глазах только страх, ужас, голод, тоска, вопрошание.

А тут после нескольких мрачных дней ненастья неожиданно яркое зимнее солнце выглянуло. Заблестел снег, заискрился, и морозец легкий, так что румянец на щеках заиграл, и не выдержали – первыми, конечно, старушки, – разбрелись по городу: у кого родня, у кого знакомые, у кого еще где жилье на попечении оставлено.

Вечером в подвале «Детского мира» женский плач, и тема разговоров сквозь всхлипы одна: под руинами многих домов люди погребены, а есть дома, откуда крики и стоны до сих пор доносятся. И к военным обращались – бесполезно, они не спасать, а воевать прибыли. А сколько трупов обглоданных, а какой смрад! И почти что к каждому дому и подъезду военные «Камазы» и БТРы подогнаны – солдатики пожитки грузят, офицеры торопят, хлам не берут, в общем война, мародерствуют.

И все-таки странная штука жизнь; заиграл огонек в печи, закипела похлебка пожирнее прежнего, а ужин разнообразнее стал, всего и не перечислишь. Коснулась позабытая масляная еда губ и щек, – и улыбки да смешки появились.

– Ой, девчата, а базар-то стоит, будто война мимо прошла.

– Да, а товару сколько!

– А покупатели – одни военные. Деньжищ у них – полные кулаки. Все берут, даже бананы.

– А таксистов видели? Хоть куда увезут.

– Я спросила: а до Ставрополя? Нет проблем – плати.

– А платить-то чем? Сколько лет пенсии не видим!

– На базаре говорят, за все годы компенсации скоро из Москвы выдавать будут.

Дальнейший разговор отец Мальчика не слушал, известие о том, что у базара есть таксисты, возбудило в нем жизнь – семью надо срочно вывозить. На следующее утро он уже договорился с шабашником о маршруте до родного села и уже торговался об оплате, как по плечу его по-свойски ударили.

– Салам алейкум, – сиял улыбкой офицер его РОВД. – А мы тебя уже две недели ищем, даже в село людей послали. Как раз сегодня нас всех собирают на совещание в министерство.

– А что, министерство есть? – удивился отец Мальчика.

– Конечно, здесь рядом, у стадиона «Динамо». Пошли, пошли быстрее.

– Не могу, не могу, мне семью надо вывезти.

– Да ты что, наоборот, теперь надо сюда всех везти. А нам сразу же внеочередное звание. А оклады какие! Плюс компенсации, плюс полевые, плюс.

И этих плюсов было столько, что отец Мальчика не удержался: семью содержать надо, а у него денег только до села.

На совещании, которое проходило в небольшом зале, где и стоять места не было, присутствовало большое количество прежних работников; с докладом выступил новый министр из Москвы, говорил по-военному четко, громко, сурово, под конец, как тост, объявил, что скоро в Чечне восторжествует мир, порядок, законность. В тот же день отца Мальчика принял заместитель по кадрам; тоже полковник, тоже не местный, как министр грузный, также обещающий скорую благодать, и в подтверждение этому:

– Мы отправим ваши документы в Москву, через месяц будете офицером – младшим лейтенантом; а летом на учебу в столицу, в академию.

– У меня семья.

– Ну и хорошо, там как раз общежитие для семейных, а сейчас идите в бухгалтерию, пусть Вам сделают перерасчет по оплате за прошедшие годы.

В бухгалтерии отцу Мальчика посчитали такую сумму, что чуть ноги от радости не подкосились. Правда, было одно «но»: наличные деньги поступят в течение месяца. Так месяц не срок, и отец Мальчика окрыленный вернулся к семье, и в тот же день, к вечеру, они из подвала перебрались в свою прежнюю двухкомнатную квартиру прямо над магазином «Детский мир».

Стекол в окнах нет, двери вышиблены; грязь, пыль, обвалилась штукатурка, не говоря уже о том, что нет ни электричества, ни воды, ни газа. Так это не беда, лишь бы не бомбили.

За пару дней привели квартиру в состояние, более-менее пригодное для житья. Окна «застеклили» клеенкой, навесили новую входную дверь, поставили дровяную печь, и каждое утро отец Мальчика бежит к Сунже за водой, и так, кое-как, жить стало терпимее...

Правда, компенсацию ни через месяц, ни через два так и не выплатили. Зато текущую зарплату выдавали исправно и она стала гораздо более высокой по сравнению с тем, что было. Однако, если сравнить ее с характером работы, с тем, какой опасной она была, – зарплата была ничтожной. И отец Мальчика не раз стал задумываться, а не оставить ли эту работу, каждый день он ходил по лезвию ножа, уже не раз побывал под огнем. И не то чтобы он чего-то боялся. Он боялся лишь одного – не оставить Мальчика сиротой.

А криминогенная ситуация в Грозном с каждым днем все ухудшалась, и виной тому негласные указы из Москвы. За красивыми фразами – полное бездействие, а порой и пособничество, доходящее до предательства. Началась какая-то скрытая двойная игра, в которой явно прочитывались чей-то денежный интерес и глобальная стратегия геополитики.

На этом фоне в городе появилось много банд; местные, прикрываясь лозунгами независимости и религии, грабили всех подряд, особенно усердствовали против работников нового режима. То же самое делали и военные, устраивая повсеместно так называемые «зачистки», после которых молодежь навсегда исчезала, а вместе с ними и оставшиеся материальные ценности.

Как работник милиции, отец Мальчика понимал, до чего стала опасна жизнь в Грозном. Да вывозить семью теперь было некуда – именно в предгорье, где родовое село, переместилась так называемая «линия фронта», и там бомбят, «зачищают», так что и оттуда куда попало бегут.

У главы семейства оставалась одна надежда: дожить до лета, получить компенсацию – и на учебу в Москву. Но до этого надо протянуть еще два, а может, и три месяца. Отец Мальчика, благо что жена педагог, стал искать место для ее трудоустройства, и повезло. Буквально через проспект Революции и площадь Ленина – Дом пионеров вновь функционирует, там много кружков, преподаватель национального языка нужен. Мальчик весь день с мамой, заодно и все открытые классы посещают. И так получилось, что его первым делом повели в музыкальный класс. А там преподаватель музыки – Афанасьева Анастасия Тихоновна –

просто в восторге от Мальчика: «У него абсолютный слух, с лету все хватает, ему бы школу, хорошую школу, чтобы все развить. А вообще-то очень странный, удивительный ребенок, я бы сказала, не простой. Как он прямо в глаза смотрит, будто сверяет, то ли, что и думаем, мы говорим?»

В музыкальном кружке «Дома пионеров» набор инструментов невелик, а фортепьяно вообще стоит просто для декорации: с начала чеченской смуты не звучит. Из новых приобретений – гармонь и балалайка, Мальчика они мало привлекают, а вот к скрипке он тянется, полюбил. Но единственная скрипка – это собственность бабушки Афанасьевой, это ее реликвия, посему она сама изредка выдаст что-нибудь такое, завораживающее, но ребенка особо к инструменту не подпускает, более со своих рук объясняет.

То, что Мальчик удивительный, даже одаренный, отец не сомневается (впрочем, как и многие родители), поэтому он помчался на грозненский базар, думая, что там все есть. А есть только то, что необходимо в войну: пища – в открытую, а оружие – в полуоткрытую. А вот музыкальных инструментов нет, а скрипка – вообще не товар местного потребления.

Конечно, ради Мальчика за скрипкой можно было бы поехать в соседний регион, за день бы управился, да выходных нет, увольнительных нет, отгулы обещают в будущей жизни. А сама жизнь в Грозном все напряженнее и напряженнее, и не поймешь теперь, кто свой, а кто чужой; если скрытно стреляют, то все во всех. И одна надежда у отца Мальчика – дождаться середины лета, а там отъезд в Москву, и Мальчик будет в школе, и в музыкальной школе, и лишь бы он был счастлив, остальное перетерпим.

Уже и лето недалече, вот и кой-какие документы у отца Мальчика дополнительно в отделе кадров затребовали. И все бы вроде ничего, так компенсацию никак не выдают, и ему уже и в бухгалтерию ходить то ли стыдно, то ли бессмысленно, как вдруг сами вызвали, и уже под вечер всю сумму выдали, так что целый пакет банкнот пешком через весь город нести пришлось.

А Мальчик что такое деньги, не совсем понимает, но за родителей, что сидят на диване и пересчитывают бесчисленные бумажки – миллионы, очень рад. И допоздна в этот вечер не ложились спать, все выгадывали, что купить в первую очередь, что отложить, – на проверку оказалось, что денег-то, вообще говоря, не так уж много, так что даже были несколько этим озадачены; далеко за полночь, задув керосиновую лампу уже в темноте, уложив между собой Мальчика, родители все еще продолжали высчитывать, как вдруг в подъезде послышались тяжелые шаги.

Словно испуганные волчица и волк, встрепенулись родители. Отец схватил автомат, что всегда держал наготове, мать сильнее прижала спящего ребенка, а в дверь аккуратно постучали, раз-два.

– Мила ву?<sup>1</sup> – передергивая автомат, кинулся к двери отец.

– Проверка, откройте, пожалуйста, – довольно вежливо ответили на русском.

Искра надежды затеплилась у отца Мальчика – все-таки федералы, а не какие-то там бандиты.

– Я старшина милиции, российской милиции. Приходите завтра, у нас ребенок спит. Или я сам куда скажете явлюсь.

– Ну вы откройте, поговорим, проверим.

– Да что там смотреть!? – другой грубый мат, – а ну открывай! – и бешеные удары прикладом, так что Мальчик вскочил.

– Папа, мама! Что случилось? Что?

– Ничего, ничего, – заметался по маленькому жилищу отец.

Крик и удары усилились.

---

<sup>1</sup> Мила ву? (чеченск.) – кто там?

– Мы сейчас прострелим дверь. Открывай. – Последний аргумент – и веский... Держа в одной руке наготове автомат, в другой удостоверение, отец Мальчика открыл дверь. В квартиру ввалилось пять-шесть вооруженных до зубов верзил, столько же ярких фонариков, один луч надолго застыл над удостоверением.

– По-моему, подделка, – уверенный бас.

– Да вы что, я пять лет в органах, сразу же после армии!

– Хорошо, давайте проверим, внизу у нас БТР, там же компьютер. А, кстати, на оружие добро есть? Давайте автомат, не волнуйтесь и не бойтесь.

Отбрав автомат, отца Мальчика грубо пихнули к выходу.

– Папа! – впервые подал голос Мальчик.

– Ждите меня здесь! Здесь меня ждите! – уже из подъезда крикнул старшина.

Буквально через пару секунд в подъезде началась возня, крик, а потом стон, стон отца.

– Папа! Папа! – хотел было броситься к выходу Мальчик. Его швырнули в постель, к матери, и, ткнув вонючим стволом в лоб ребенка, обратились к ней.

– Все деньги, драгоценности на стол, либо.

Может быть, они узнали про пакет с деньгами? Как только он появился из-под дивана, быстренько сорвали сережки и тонкую цепочку с матери, видимо, для порядку еще поковырялись в скудных вещах.

Остаток ночи мать металась: то кидалась в подъезд, то обратно, то снова в подъезд, в разбитый проем, то обратно в постель к сыну и рыдала громче него. Потом что-то ее осенило, она вроде успокоилась и стала сына утешать, убаюкивать:

– Спи, наш золотой, спи, наш родименький! А на утро и папка наш любименький придет, тебе вот столько сладостей принесет, и даже скрипку!

Проснулся Мальчик на заре, а перед ним мать, и не мать. Строго, даже празднично одета, да лицо не узнать, за ночь осунулось, потемнело, обмякло; под глазами тени, а сами глаза впали, отрешенно-сухи.

– Дорогой, ты проснулся, марша воцийла хьо.<sup>2</sup> Наш папка еще не пришел. Мне надо за ним пойти, он ждет меня.

– А где он тебя ждет?

От этого вопроса она будто вернулась в реальность, часто заморгала, глаза сузились, увлажнились.

– Даже не знаю. Побегу в комендатуру, потом где он служил.

– И я с тобой.

– Тебя брать боюсь. Боюсь, дорогой! Слышал, как всю ночь стреляли? А в соседнем подъезде всех стариков просто придушили. Все унесли; все иконы, картины, даже старый рояль не поленились. Что они, на нем будут играть? Как в глаза своих детей посмотрят?!

Вновь ее взгляд стал отчужденным.

– Он меня ждет! Мне надо бежать, надо помочь, надо сообщить.

– Возьми меня с собой!

– Дорогой, я быстренько, я очень быстро вернусь. А ты пока позавтракай, я чайник разогрела, стол уже накрыла. Не забудь зубки помыть. Никому дверь не открывай. Нет! – вдруг другим, осиплым голосом сказала она. – Я тебя сверху закрою. Так будет надежнее.

– Хоть ты останься со мной!

– Не говори, не говори так, сынок! – страдальчески простонала она, бросилась пред ним на колени и, уткнувшись головой в его грудь, словно умоляла: – Ведь я должна ему помочь! Должна!

– И ты знаешь, где он?

---

<sup>2</sup> Марша воцийла хьо (чеченск.) – приходи свободным.

Она распрямилась, глаза ее, как прежде, расширились, посуровели, лишь слезы текли по щекам, а взгляд не на него, а сквозь, далеко-далеко, в вечность:

– Знаю, – тихим, чужим, сдавленным голосом выдохнула она, и очень, очень медленно, но твердо ступая, направилась к выходу.

– Ты больше не вернешься?

Будто током прошибло ее. Прибитая горем, она развернулась к нему:

– Что?! Как «не вернусь?» Как «не вернусь?», – только к концу фразы вернулась нежная прежняя интонация, и она, будто и сына отнимают, бросилась к нему, до боли обняла и стала целовать, целовать. Но это были уже не те знакомые, материнские поцелуи, за эту ночь ее губы одеревенели, иссохли, и даже изо рта шел утробный, неживой запах. – Он меня ждет, он меня ждет, я должна ему помочь, – уперлась она в сына гнетущим взглядом.

– Иди, иди, я буду вас ждать, – глотая слюну, еле вымолвил Мальчик.

– Да-да, мы оба вернемся, – словно этого благословения ждала она бросилась к двери.

Уже снаружи защелкали замки, и вдруг, на полуобороте замерли. Резко крутанулись обратно. Она, буквально вихрем ворвалась, бросилась к сыну, обеими руками схватила его головку, впилась безумным взглядом, будто всасывая его тепло, потом обняла, больше не целовала, а тяжело дышала, сопела, нюхала, словно втягивая его дух.

Самым несносным для Мальчика был не первый длинный, жаркий день, который он провел в слезах, в мольбах, в вопрошании, а последующая ночь. Обычно в вечерних сумерках в полувоенном Грозном наступает необычайная тишина. И если днем в городе масса гражданских людей, огромные колонны бронетехники, скопление машин и якобы идет восстановление, так что крик Мальчика был бы что писк в турбину, то ночью – полная тишина, и лишь вооруженные бандиты, словно хищные крысы, мечутся во тьме в поисках очередной жертвы. И боясь ночи, он залез в свою кровать, свернулся в клубочек и накрылся не одним, а сразу двумя одеялами, дабы его всхлипов кто ненароком не услышал.

За весь долгий солнечный день квартира, где на окнах сплошь клеенчатые рамы, раскалилась, духота будто в парнике. А под одеялами пот течет ручьем, не выдержал жары Мальчик и посмел лишь одно – чуть-чуть носик высунуть. Да к счастью, природа взяла свое, вскоре, измотанный, он заснул, и спал, как дети спят. А на утро он проснулся взъерошенный, весь мокрый от пота, от слез, от мочи. Одеяла на полу, к ним с краюшка толстая крыса принюхивается, пададь ждет, а на столе, на остатках еды пара мышей забавляется.

Второй день, как и первый, начался с рева и зова родителей. Однако, вскоре это прошло, желудочек потребовал свое. Он поел все, что можно было поесть, даже хлеб после мышей. Набравшись сил он стал впервые действовать – бил во входную дверь, надеясь, что кто-то услышит. Устав, он направился в другую сторону – к окну. Да здесь табу – отец с самого детства его учил, что к окну подходить нельзя – выпадет, а еще спички трогать нельзя, а то мог бы он, как ему кажется, и печь затопить.

После обеда, ближе к вечеру, он нашел в шкафу много конфет, печенья, даже варенье. От этого его настроение значительно улучшилось, и его даже потянуло играть в машину. Но это было не долго. К сумеркам он вновь заревел, вновь стучал в дверь, и вновь жара была невыносимая, и он, помня, что к окну подходить нельзя, все же вспомнил, как отец легко резал ножом клеенку.

Свежий воздух ворвался как благодать, и он, позабыв обо всем, бросился к окну, а оттуда – шум жизни, шум города.

– Папа, мама! – даже сильнее прежнего кричал он на улицу, но жилье ныне находилось на отшибе, люди крайне редко сюда заглядывают, а проезд транспорта и вовсе перекрыт.

Ночь отогнала его от окна, и тут он нарушил еще один запрет – зажег свечу. Но кричать не смел, залез под одеяло, и только личико наружу, пока свеча на печи полностью не догорела, вглядывался в нее, думая, что из огня родители появятся, а как огонь погас, он не как

прежде, а тихо-тихо заскулил, поглубже укрылся и только изредка звал: «Папа! Мама! Вы ведь обещали вернуться! Почему не забрали меня?»

Вторая ночь оказалась плачевнее во всех отношениях – он не только вспотел, но и испачкал постель. Это его очень расстроило, ведь его всегда хвалили за аккуратность. Он хотел было навести порядок, даже постирать, в итоге испачкал и ванную, да еще истратил ведро воды. А к этому еще одна напасть: он стал часто бегать в туалет. Вновь ел сладости, и его даже вырвало.

К обеду ему стало совсем плохо, заболел животик, и, несмотря на жару, было очень холодно, ломило мышцы. Совсем тихо, жалостливо скуля, он лег на диван и, корчась на нем, все звал мать и отца. И теперь просил только одного – воды!

Проснулся он ночью от нестерпимой жажды. Кругом гробовая тишина и темнота, и лишь в туалете где вода, что-то изредка копошится, наверняка крыса, и он все не решался туда пойти. А жажда тянет, голова и живот болят, и он уже было встал, как вдруг с улицы послышались шум, крик, выстрел, а потом очередь, взрыв, и еще взрыв, совсем рядом, так что вся комната озарилась. И как начался ни с того ни с сего этот шум, так же и оборвался – и снова тишина, и даже твари разбежались, а он долго ждал, вслушивался, и когда понял, что шорохов вроде нет, осторожно, на ощупь, двинулся в ванную. Долго искал кружку, а потом жадно, причмокивая, пил, эту и без того не свежую, уже пропахшую чем угодно, сунженскую воду.

На следующее утро он проснулся поздно, весь в жиге, а вокруг роится новая живность – жужжат мухи, стены все в комарах. Сам он весь в волдырях и, быть может, и не встал бы, даже открывать глаза тяжело, да рот буквально пересох. Смертельная жажда потянула его в ванную, а там у самого ведра, та огромная крыса с ужасно-длинным хвостом, на задних лапах стоит, уже морду в ведро просунула; увидев Мальчика, соскользнула, не с испугом, а с ленцой отползла, вроде скрылась из виду.

Ступил было Мальчик за порог ванны, уже хотел кружку, упавшую на пол, поднять, как в последний момент, согнувшись, увидел в упор маленькие, наглые хищные глаза. Ему показалось, что тварь уже готова на него броситься, он с криком отчаяния качнулся назад, отпрянул, о порожек споткнулся, полетел в коридор и без того большую головку ударил о стенку. И может, в другое время так бы и полежал, плача и стоная, но на сей раз страх перед мерзостью оказался сильнее. Вглядываясь в ванную, он попытался сесть, а к его ужасу, крыса даже не шелохнулась, а наоборот, чуть двинулась вперед, алчно пригнувшись, и уже на порожек положила лапку, и Мальчик еще потрясенно попятился, до того эта лапка была похожа на человеческую в миниатюре, точь-в-точь такая же, как на эскизах к сказкам в Доме пионеров.

А крыса, нагло водя усами, сделала еще шаг навстречу, и тут он не выдержал, из последних сил истошно заорал. Крыса исчезла, он бросился в комнату, даже залез на стол. Но это долго продолжаться не могло, его мучила жажда. Видимо, то же самое творилось и с крысой, потому что в ванной вновь начались знакомые шорохи.

И тут Мальчик ожил, что-то в нем всколыхнулось, он хотел пить, он хотел жить, он не хотел уступать последние глотки воды никому. Конечно же, он еще не знал, но только так в жизни и бывает, это и есть война за ареал существования у живых существ.

Сойдя со стола, он стал искать орудие атаки и обороны, хотя средств вроде бы было много, он взял швабру – надо все же держать в битве дистанцию...

Он выбрал позицию и приготовился, глядя во все глаза, и ждал бы долго, да долго стоять не пришлось. Не обращая внимания на Мальчика, крыса шмыгнула, ловко вскочила на ванну, противно царапая отполированную глазурь, быстро пробежалась по узкой боковине, и уже не осторожничая, сразу же встала на задние лапки – и еще бы миг, прыгнула бы

в ведро, как Мальчик пошел в атаку. Ведро с подставки шумя опрокинулось в ванну, крыса исчезла, вода утекла, а на дне немало дохлых мух, упавших в то же ведро.

Мальчик был потрясен, он уже не думал о родителях, ни о чем не думал, он хотел только пить.

– Дайте воды! Я хочу пить! Выпустите меня отсюда! – срываясь на писк, он завизжал, стал бить ладошками в дверь, обессилев, бросился к окну, и махая рукой, практически полностью вылез наружу, готовясь сделать шаг к недалекой реке, шума которой из-за городской жизни даже не слышно, как услышал за спиной стук, еще сильнее стук, окрик на чеченском.

Стрелой он бросился к двери.

– Мальчик, ты здесь? Как ты туда попал? Не шуми! – полупшепотом говорили из-за двери.

– Спаси меня, помоги! Я хочу пить! Пить!

– Хорошо, больше не шуми. Потерпи маленько. Как стемнеет, я вернусь.

– Нет! Нет! Спаси меня! Не уходи! Ради бога спаси!

– Хорошо, хорошо, – за дверью голос не менее напряжен. – Только отойди от входа. Подальше отойди.

О дверь что-то ударилось, еще раз, аж пыль и штукатурка посыпалась, но это ничего не изменило. Тогда в ход пошло что-то иное, видимо ноги – дверь не поддалась.

– Мальчик, слышишь, Мальчик, буду стрелять, в сторонку уйди, спрячься, – теперь за дверью кричат в полный голос.

Мальчик заковылял в маленькую комнату, где они не жили, и только сел на корточки, зажав, как учили, уши, начались выстрелы; хлесткие, одиночные, оглушительные. Потом снова удар и, словно крыша обвалилась пыльная волна.

– Где ты?

Его коснулись грубые, но теплые руки.

– На, пей.

Только тогда Мальчик раскрыл глаза, обеими руками вцепился во фляжку и сунул горлышко сквозь вспухшие, потрескавшиеся, посиневшие губы, так что зубки заскрежетали.

– Не торопись, не торопись, – сдерживал и одновременно успокаивал его молодой, обросший мужчина.

Взахлеб, чуть ли не подавившись, Мальчик почти сходу высосал половину содержимого. Упершись взглядом лишь во фляжку, недолго передохнул, и вновь жадно к ней прилип, и только чуточку не допив, утолив жажду, он выронил ее из рук и сам, как подкошенный, упал.

– Ой, ой, ой! – все это время сокрушался бородач. – И кто ж тебя так, дорогой? Кто?. Ясно кто – война! А ну давай, – взял он ребенка на руки, перенес в обжитую комнату, ища место почище; кроме стола ничего не нашел, и будто это стол операционный, он бережно положил его и стал скидывать грязную одежку, все время озираясь на дверь, наготове держа автомат.

Потом военный нашел в шкафу чистую простыню, укутал в нее Мальчика, а тот уже в забытье, стонет, что-то бормочет.

– Дела<sup>3</sup>, что я с ним буду делать? – заметался по комнате мужчина, выглянул в окно, потом бегал в подъезд. – Ведь он весь горит! В жару! Его спасти надо!

Взяв бережно Мальчика на руку и держась стеночки, пошел вверх по лестнице.

– Воды! Воды! – стонал Мальчик, его головка в беспомощности перекачивалась на широченном плече боевика.

---

<sup>3</sup> Дела (чеченск.) – Бог

– Дела, что я делаю? – тут, наверное, впервые бородач внимательно в упор глянул на Мальчика: – Какое создание, просто золотой, – и, продолжая словно сам с собой разговор, уже строго: – Что я делаю? Ведь он будущее, а я что, не сегодня-завтра труп, в этом доме уже сутки, как в западне. Ну, уложу я еще двоих-троих, ну и что? Им счету нет. А вместе со мной и ребенка могут грохнуть.

Он подошел к разбитому оконному проему, слегка выглянул, потом еще раз, и тогда, чуть отпрянул.

– Эй, вы, идиоты! Слышите меня, недоноски!? У меня еще огромен боезапас, но здесь ребенок, больной!. Я сдаюсь! Слышите, – он выстрелил в воздух, отчего Мальчик открыл глаза. – До ночи бы я продержался, а там бы – вот вам! Но я сдаюсь, выхожу, со мной ребенок, он очень болен.

Тяжело и часто дыша, читая молитву, бородач медленно стал спускаться. А Мальчик неожиданно ощутил какую-то знакомую перемену во всем, и ему почему-то захотелось посмотреть в глаза бородача. Подняв головку, сфокусировал на бородатом взгляд: на лице густая, черная с сединой щетина, кожа сморщена, выжжена, даже в поры глазниц въелась пыль, пороховая гарь, и лишь глаза горят, широко раскрытые, уже отстранены от мира сего, смотрят вроде в никуда, точь-в-точь как в последний раз у матери, и почему-то поняв, что он с этим дядей тоже скоро навсегда расстанется, он прильнул к нему, уложил шейку на крепкое плечо, и тут ощутил запах его тела, запах смерти и войны. И неведомо почему, он потрогал его щетину, чтоб тот услышал, и тихо, на ухо прошептал: «Скажи папе и маме, – я их здесь жду!» Бородач ничего не ответил, правда, словно понимая, кивнул; у самого выхода глубоко, надсадно вздохнул, вяло ступил на улицу.

– Не стреляйте, пока не стреляйте, – он поставил осторожно Мальчика у стены, сам быстро отошел.

– Брось оружие! Ложись! На землю, тварь! – раздалось со всех сторон.

Он бросил автомат, захохотал дрожа, и вдруг, рванул в другую сторону; многочисленные очереди на лету швырнули его к стене, пригвоздили, сотрясали тело... но этого Мальчик уже не видел, и даже не слышал, у него подкосились ноги.

Урывками, словно сквозь пелену тумана, помнит Мальчик, как его несли на руках, везли на очень жесткой грязной, а потом мягкой тихой машинах. И где-то он спал в тишине. А проснулся от гула, и все трясло, летало, бросало, и его стало тошнить, стало совсем плохо.

– Проснись, проснись, золотой! – какой-то нежный, грудной голос на русском; глядят его по головке, – ну, пора, пора, просыпайся.

Новый мир, тишина. А перед ним очень доброе, красивое, румяное лицо; ласковые васильково-сияющие искренние глаза; и как и белоснежная кожа на шее, вся она в белом, и все вокруг в белом, лишь ароматные полевые цветы в вазах пестрят, еще более украшают вид, наполняя маленькую комнату уютом, теплом и любовью.

Любовь! Так и звали эту красивую молодую женщину, и видимо, все ее любили, все офицеры дарили ей цветы, но, как заметил Мальчик, только у одного, у какого-то молоденького, тоже еще румянянького, она брала цветы с удовольствием, и потом, оставшись одна тайком с наслаждением нюхала.

– Люба, ну Любовь Николаевна, давайте пойдем в кино, – приглашали ее женщины каждый вечер, а мужчины звали в бар, но она, ласково улыбаясь, всем отказывала, теперь по вечерам у нее появилось другое очень приятное занятие, она купила Мальчику велосипед и все свободное время шло освоение техники: во всем гарнизонном госпитале один ребенок, и все внимание на них.

– А что, похож, даже очень похож, – подтрунивали над ней женщины.

– А может где нагуляла? – полушутя говорили офицеры.

А Любовь Николаевна счастлива, радость свою скрыть не может, часто поглаживает золотистые кудряшки Мальчика, шепчет ему или сама себе:

– Вот, не ждала не гадала, а сын появился, усыновлю. Неужели?! – и она со страхом прикрывала рот, оглядывалась и потом частенько поглядывала на часы, к ночи ее настроение портилось, они шли домой.

Дом – это небольшой кабинет старшей сестры-хозяйки, где теперь вместе с Мальчиком днюет и ночует Любовь Николаевна. Перед сном они пьют чай со сладостями, обязательны фрукты, в это время каждый вечер смотрят «Спокойной ночи, малыши». Потом она его купает, укладывает спать в кровать и что-нибудь детское читает, со все тускнеющим голосом, часто смотрит на часы и говорит: «Теперь спи, спи, дорогой! Спокойной ночи!». И почти каждую ночь в коридоре слышатся твердые шаги, и, не стучась, дверь дергают, она открывает, Мальчик уже отворачивается и действительно пытается заснуть, а комната наполняется непонятными, не очень хорошими мужскими запахами, и хоть говорить он пытается тихо, а голос командный, грубый, властный.

– Ну подождите, он еще не заснул, – каждый раз слышится умоляющий голос Любви Николаевны. Они еще пару раз что-то разливают, шелестит фольга. – Не курите, пожалуйста, не курите, ребенок!

– Тогда давай побыстрей.

После этой команды раздвигается диван, тушится свет, вот тогда Мальчик и засыпает.

Иногда он просыпается среди ночи от шума воды, это Любовь Николаевна долго принимает душ. Потом ложится на свой диван и беспокойно ворочается, сопит, и если начала, как обычно, плакать, то вскоре переберется в кроватку к Мальчику, чего тот так хочет, и, думая, что он спит, сквозь всхлипы горячо целует, обнимает, что-то, будто заклиная, повторяет.

На утро диван всегда прибран, все блестит, будто и не было ночи, и она будит его, всячески лаская, зовя к завтраку, предрекая праздничный день. Думалось, что так будет всегда, и становилось даже лучше, по ночам никто не приходил, на часы Любовь Николаевна не смотрела, и казалось, еще более расцвела, стала еще счастливее и красивей. Да это вдруг вмиг оборвалось.

Как-то поутру прибежала Любовь Николаевна вся в слезах, бросилась ничком в кровать, рыдает. Следом женщины:

– Успокойся, Люба. Кобель, он есть кобель.

А еще погода появился пожилой офицер в усах, за ним молодая, высокая, стройная особа, одетая, как в кино.

– Гм, гм! – кашлянул офицер в кулак, еще долго выправлял усы. – Любовь Николаевна, извините, тут дело такое. Приказ есть приказ. Вот новая старшая сестра-хозяйка.

– Это не новая сестра-хозяйка, – вдруг вскочила Любовь Николаевна. – Это новая шлюха, как я.

Молодая особа грубо огрызнулась, женщины чуть не сцепились, их разняли. Все ушли. Появился другой офицер, более молодой, но, как понял Мальчик, тоже из командиров.

– Я десять лет служу, я десять лет мотаюсь по гарнизонам всей страны и мира, – уже более сдержанно говорила Любовь Николаевна, – и неужели я так и не заслужила даже однокомнатной квартиры хоть где-нибудь, хоть на Камчатке!

Офицер тоже что-то говорил, в конце развел руками и ушел. Еще один день Любовь Николаевна не сдавала «позиции», а потом пришел он. Мальчик никогда его не видел, да сразу узнал по шагам в коридоре. Учужа его издали и Любовь Николаевна, напряглась, насупилась.

– Люба, Любушка, – вкрадчиво начал военный. Это был грузный, крепкий, уже в возрасте человек, с очень густыми бровями на смуглом лице.

– Не надо при ребенке, – отстранилась она от его ласк. – Давайте выйдем в коридор. Вначале слышалось только «бу-бу» мужское и тихое женское, а потом голоса стали выше, и уже все слышно.

– Ну что ты ко мне пристала, что ты ревнуешь, что ты мне, жена, что ли?

– В том то и дело, что не жена. Но вы со слезами на глазах обещали обо мне всю жизнь заботиться. «Дозаботились» – десять лет за собой шлюхой возите. А теперь постарела, другие есть; чтоб избавиться – в Чечню, на фронт. И я рада, я рада вас всех не видеть, но Вы мне сколько лет уже квартиру обещаете?

– Это не в моих силах!

– Как не в Ваших? – перебила она, – А у Вас, как я знаю, на каждого ребенка по квартире, и еще две в Москве, в запасе.

– Ну-ну, ты в мои семейные дела не лезь.

– А мне уже тридцать, у меня мать.

– Что-то ты прежде о матери не говорила. Короче, ты еще военная, мы в прифронтовой зоне, на военном положении. Или ты выполняешь приказ, или.

– Александр Вячеславович, Саша, я замуж хочу.

– Ну и пожалуйста, только как медовый месяц – горячую точку – Чечню, потом женись и квартиру получишь.

– Саша!

– Уйди, отстань. Тоже мне, от какого-то «летехи» цветочки берет, а может, и «рога» мне наставила.

– Постарела я, постарела, надоела! Сознайся!

– Замолчите! Приказываю!

– Александр Вячеславович, памятью отца. Пожалуйста!

– Не трожь! Отставить! Ты три квартиры прокутила, все курорты объездила.

– У меня ведь ребенок, пощадите!

– Что? Этот!.. А при чем тут ты?.. Два часа на сборы, борт будет в десять нуль-нуль. А с ребенком государство разберется.

Буквально за один день эта женщина резко изменилась, особенно глаза, ставшие из васильковых, задорных – озабоченными, выцветшими.

– Вы моих Папу и Маму увидите, скажите, что я их жду, – вдруг выдал Мальчик, вглядываясь в ее лицо.

– Откуда ты знаешь, что я в Чечню?

Он молчал. Она обняла его, стала целовать, но и губы у нее тоже стали жесткими.

– Скажи хоть, как тебя зовут, как твоя фамилия и где тебя я буду искать?

– Я вас сам найду.

– Ты-ы?

Она отстранилась, еще громаднее стали ее глаза, взгляд далеко уполз.

– Любовь Николаевна – обходной, – в дверях появилась медсестра.

– Да-да, я сейчас, – она встала, двинулась к двери, обернулась, – я вернусь, попрощаюсь.

Больше он ее не увидел. Через пару минут пришел какой-то офицер, не дал забрать даже велосипед, взял его за ручку и повел через весь плац в другой корпус, там он попал «под заботу государства».

Эту ночь его никто не кормил, спал он на нарах под шинелью. А на следующее утро тот же офицер его куда-то отвез, и там были люди в форме, как у его отца, – милиционеры, они тоже его весь день не кормили, а все допытывали, как зовут, чей, откуда и прочее. Потом много раз фотографировали, даже пальчики черным мазали. А он все плакал, горестно сопел, просил пить, к вечеру его накормили, посадили в поезд с толстой тетенькой, которая раньше

него храпеть стала. И через день он попал к детям, таким худым, исподлобья странно глядящим. Это был «Детский дом», но почему-то сами дети называли это место «колонией».

Мальчика сразу же обрили налысо, переодели в грубую, мрачноватую одежонку, и стал он как все дети – худым, головастым, напряженным, и лишь глаза, эти голубые вдумчивые глаза, стали казаться еще больше, еще печальней, еще загадочней.

Здесь тоже первый день начался с анкеты, и, думая, что Мальчик не понимает языка, а может, и вовсе скрытничает, на девичьей стороне нашли переводчицу, долговязую, рыжеватую девчонку, лет десяти, которую по-местному называли Зоя. Именно благодаря Зое появилось имя Мальчик, так и пошло; до выяснения данных... И кровать ему выделили самую старую, перекошенную, в сыром углу. А на ужине старшие ребята хлеб отобрали, перед сном туалет заставили мыть.

Вот чего Мальчик не мог и не хотел, он хотел спать. В эту первую ночь его сильно били. Он плакал, орал, а его еще пуще били. Вдруг в полумраке коридора все разбежались, а перед ним длинная, худющая воспитательница в очках.

– Это кто здесь вой на всю округу поднял?

Она с силой схватила за ухо Мальчика, приподняла и швырнула ребенка в угол:

– Чтоб до утра стоял! И не пищи, звереныш!

Она ушла в свой кабинет, потушила свет.

Мальчик уже долго стоял, все еще всхлипывал, устал, сильно хотелось спать, и в это время к нему подошел ровесник:

– Меня Дима зовут. Давай дружить, – он погладил Мальчика по руке, – а плакать здесь нельзя. Особенно в смену Очкастой. Но ты стой, она скоро выйдет, и если еще будешь стоять, она тебя спать отпустит.

Может, Очкастая и вышла скоро, но Мальчик уже спал, свернувшись калачиком на полу. Гнев воспитательницы был безмерным, еще пару раз полусонный он стучался о стенку, так что не только ухо, но все тело заныло. Завыл он: тихо, очень тихо, и звал в тоске Папу и Маму. Родители не пришли, пришел тот же Дима:

– Пошли, иди спать, больше она до утра не выйдет. А утром тебя и не вспомнит, домой убежит.

В следующие два дня были другие воспитательницы, очень добрые, внимательные, и в обиду никого не давали. Так что Мальчик чуточку ожил, даже в компьютер дали поиграть, а это такое чудо! Все горе позабудешь! Да эта печальная идиллия длилась недолго. Прямо по телевизору стали показывать другую игру – боевик, где чеченские террористы какую-то больницу с заложниками захватывают.

Тут не до компьютера, дети вслед за политиками выдумывают свою игру, и разумеется, что все детдомовцы – кавказцы становятся «террористами», а остальные – «российский спецназ». Понятное дело, Мальчик в малочисленном лагере «террористов», и чтоб игра носила ярко выраженный характер, на лице Мальчика прямо черным фломастером рисуются борода и даже очки. Несмотря на то, что в телевизоре итог иной, а здесь, как положено, «террористов захватывают и бьют, бьют жестоко, похлеще, чем в первую ночь, с применением спецсредств, благо что в эту ночь дежурит Очкастая, а она аж в восторге от игры: «Хоть здесь подрастает смена!»

На следующий день всех детдомовцев ведут в город, в цирк. Вывели за территорию, построили в два ряда, как положено – вперемешку с девчонками, ждут автобус. Зоя Мальчика с первого дня всего раз видела. Она подошла к нему, отвела чуть в сторону и на чеченском:

– Кто это тебя так? Что с тобой?

В это время подошел самый старший из подростков, по кличке Витан, и сходу влепил Мальчику ногой, как здесь говорят, увесистый «подсрачник».

– А-а-а! – завизжала Зоя, и дикой кошкой, ногтями вцепилась в лицо обидчика.

Они повалились, катались по асфальту и трое воспитательниц еще долго не могли девчонку оторвать. Витан в цирк так и не поехал, все лицо в крови. А в тот же вечер, неизвестно как, явилась та же Зоя с двумя рослыми подругами в мальчишеское расположение.

– Кто еще моего брата Мальчика пальцем тронет. – и она продемонстрировала что-то блестящее металлическое в руках.

С тех пор Мальчика не только не били, даже обходили стороной. Но жизнь от этого краше не стала, и он нередко, уединившись, потихоньку скулил, слезу пускал, сильно похудел, а в глазах тоска, печаль, страх перед жизнью.

– Ты не плачь, не плачь, – иногда успокаивал его друг Дима. – Скоро все может измениться. Ты видел, нам уже примеряли новые рубашки и шортики. Это значит, появятся покупатели. Нас покупать будут. Мы можем уехать в прекрасные страны. Там иной мир. В том году моего друга Андрея купили, так он фотки прислал – класс, такого даже в кино не бывает.

– А где этот «иной мил»? – оживился Мальчик.

– Ночью покажу.

Как ни странно, в этом заведении Мальчик только ночи и ждал. Это было время, когда забывалось чувство вечного голода, человеческого безразличия и даже вражды, и снились сны, такие теплые, красочные, после которых серость пробуждения становилась угрюмой.

Однако в эту ночь Мальчик упорно не закрывал глаза, он страстно хотел увидеть «иной», нежели этот мир. И тем не менее, как он ни крепился, а ночь свое взяла, и если бы не Дима, так бы и проспал.

– Т-с-с-с! Не шуми, Очкастая только заснула. Тихо иди за мной.

Пригибаясь, будто за ними следят, они быстро миновали полумрак, где в разной сопели дети; кто-то во в сне говорил, кто-то стонал. Потом был сырой коридор, здесь санузел, а напротив кабинеты, в них ночует Очкастая, и даже полный мрак, когда Мальчик совсем испугался и чуть ли не крикнул «Дима!» Но Дима настоящий друг, он вернулся, взял за руку и повел за собой, так как знал здесь все даже во мраке.

А вообще-то Дима был удивительный ребенок, он выделялся из всех, лучше всех учился, все знал, особенно компьютер, и даже в ночи, на ощупь нашел нужный кабинет. От яркого света заслезались глаза.

– Это кабинет истории и географии у старшеклассников, но я здесь часто бываю, – полупшепотом объяснял Дима. – Вот смотри, это карта мира. Вот Европа, вот Америка, а это Канада. На худой конец, есть и Австралия, вот внизу. Это и есть иной мир, где люди живут. А мой друг Андрей вот здесь, видишь сапог – Италия. Страна не самая лучшая, – и то как в раю, – чуть ли не задыхаясь от восторга, продолжал Дима. – Так что делай, как все, и может, повезет, нас увезут в сказочный мир, и у нас появятся новые папа и мама.

– Как это «новые»? – во весь свой басистый голос возмутился Мальчик.

– Так у нас ведь теперь нет родителей, а есть шанс.

– Как это «нет»? – перебил Мальчик, – у меня есть Папа и Мама, и они обещали велнуться, и уже, навелное, ждут.

– Где ждут? Какой ты глупый, – уже в полный голос разошелся и Дима. – Мы с тобой сироты, понимаешь, круглые сироты, у нас никого нет.

– Есь! Есь! Есь! – заорал Мальчик со слезами на глазах.

– Тихо! Не кричи! – ткнул его Дима. – Слушай, ты будто маленький. Вот видишь, это наша страна, такая огромная, красная.

– А почему класная? – всхлипывая перебил Мальчик.

– Красная? Не знаю. Ну, так слушай. Мы сейчас вот здесь – это Волгоград. А я жил в Краснодаре, и были у меня красивые и добрые родители. Так они в аварии вместе погибли. Еще в Краснодаре у меня есть бабушка, но она тяжело больна, вот я и попал сюда, в лучший детдом, в нашу колонию. А ты вот отсюда, из Грозного.

– Отсюда?! – впритык подошел Мальчик к карте и даже бережно погладил это место. – Как близко. И зачем нам в ту даль, в иной мир ехать, если мой дом так рядом!

Его влажные глаза расширились, заблестели, и чуть ли не улыбаясь, словно задыхаясь от счастья, он взял за руку Диму.

– Ты знаешь, как у нас класиво! Вот там такой сладкий, сказочный «Детский мил», и все есь, и даже Папа и Мама. И они станут и твоими Папой и Мамой, и ты будешь мой блат, мой лодной блат!

Улыбаясь во всю ширь, он хотел было обнять Диму, но вдруг, опечаленно глядя, отстранился:

– Ты глуп, ты ничего не понимаешь, жизни не знаешь, а веришь в свои сказки. Там война. Там люди друг друга убивают, и твоих родителей убили, а твой «Детский мир», о котором ты вечно говоришь, – сказка!

– Не сказка, это плавда! – насупился Мальчик, и глубоко вдыхая еще что-то, хотел сказать, да Дима вскинул руками, и они услышали шум в коридоре, который до ужаса напомнил Мальчику крысиный.

Скрежаше-противно скрипнула дверь, настежь распахнулась, и в проеме на мгновение застыла Очкастая, будто принимавалась, вздувая ноздри.

– Что это такое? – завизжала на все здание она.

Ближним к ней оказался Дима, и он что-то хотел было объяснить, да от неожиданного удара первым полетел под парты и застонал. А Мальчик уже был не единожды бит, и он обеими руками закрыл умело свою несчастную голову, чуть присел, выжидаясь сгруппировался, от удара уклонился, только тот пришлось вскользь; да делая вид, что влетело, тоже покатился под спасательные парты.

Дима тихо заныл, из его рассеченного лба щедро сочилась кровь, видимо, поэтому их в угол не поставили.

А Мальчик из-под парты еще посмотрел на карту, в тоске выискивая Грозный и сказку «Детский мир», потом, с болью глядя на окровавленное лицо друга, даже брата, теперь понял, почему их мир разукрашен в красный цвет.

На следующее утро был не завтрак, а пир, и ходила по столовой какая-то высокая, красивая женщина, от которой исходили диковинные, цветочные ароматы.

– А это что такое?! Я спрашиваю, что это такое? – остановилась она около Димы, и еще долго властно кричала, непонятно, то ли на детей, то ли на воспитательниц.

– Хозяйка в гневе, – шептались дети, и когда выяснилось, что Диму в таком виде на просмотр не пускают, Мальчик определил, что это директор – Хозяйка.

После завтрака, под внимательным присмотром всех воспитательниц, дети стали переодеваться в новую, красивую одежду, и только Дима забился в дальний угол и безутешно надрывно выл. Мальчик пытался его успокоить, но Дима отпихивался, еще громче, еще тоскливее рыдал.

А когда всех уже стали строить, с изменившимся, пунцовым лицом Дима побежал к Мальчику, и резко дергая за руку, заикаясь, полупшепотом страстно зашептал:

– Хотя ты сумей. Улыбайся, прошу тебя, улыбайся там. Ведь ты не забудешь меня? Когда-нибудь заберешь с собой в тот иной мир.

Строем их провели в актовый зал, где уже сидели девочки, а на первых рядах Хозяйка и несколько незнакомых взрослых людей, которые даже внешне не походили на работниц детдома.

Оказывается, к этому празднику задолго готовились. Дети со сцены читали стихи, пели песни, танцевали. Мальчик – новенький и здесь не задействован, и только в самом конце, когда был общий хоровод, его тоже послали на сцену. А потом выстроили всех в ряд. И непо-

нятные гости все ходили меж них, со всех сторон разглядывали, на непонятном языке тараторили.

А Мальчик, выполняя наказ Димы, все время пытался улыбаться, однако, когда эти люди надолго и окончательно остановились около него, улыбка исчезла, и он с ужасом смотрел на эту худую, длиннолицую даму в очках, и на лысого краснощекого толстяка, которые в «ином» мире станут его родителями. И от этого ему стало так больно, так нехорошо, что он заревел. Но это уже ничего не решало. Выбор был сделан, «повезло» ему одному и еще двум девочкам.

А потом был невиданный доселе обед, на котором все дети, даже Дима, отчужденно исподлобья поглядывали на Мальчика.

После обеда тихий час, но Мальчика увели, и в большом красивом кабинете, где в высоком кресле восседала хозяйка, те же люди из иного мира закружились вокруг Мальчика. Один из них, видимо, был доктором. По крайней мере, все время мило улыбаясь, что-то непонятное говоря, он деликатно раздел Мальчика догола.

– Говорят, что обрезан! – вдруг на русском чуть ли не вскричал какой-то молодой человек, которого Мальчик до этого и не заметил.

– Боже! – ужаснулась Хозяйка и даже привстала.

– Ничего, ничего, они даже рады, – с иным настроением продолжил тот же молодой голос.

В это время доктор заглядывал в рот, в уши, в глаза и даже в попку. Потом водил каким-то холодным прибором по животу и спине.

– Довольны, они очень довольны! – нервно пожимает руки молодой человек.

– Что-то очень привередливыми стали, – холодно отмечает Хозяйка.

– Кормить, кормить лучше надо, – голос молодой, – а то все серые, будто туберкулезники.

– Чем кормить?! Что государство выделяет, то и даем, а что выделяет, сам знаешь.

– Да-а, не от роскошной жизни весь этот бизнес.

– Какой бизнес! – вскочила хозяйка. – Раньше по пять, даже по десять брали.

– А этот Мальчик, видать, новенький, еще цвета не потерял.

– Да, новенький.

– Тихо!.. Нам повезло. Говорят, он просто «породист». И даже картавит, как их высокородные... Эти американцы – миллионеры, хорошо поторгуюсь, так что за десятерых отвалят.

В это время между «иными» людьми, их трое, начался очень громкий эмоциональный разговор со смехом, во время которого больше всех говорила длиннолицая, скуластая женщина. Именно она, сев на корточки, мило улыбаясь, стала сама, очень неумело и неуклюже одевать Мальчика, будто он сам не умеет, а краснощекий толстяк все ей прислуживал, тоже любезно улыбаясь, что-то непонятное, глядя в лицо Мальчика, говоря, и в конце оба его в щечки, еще официально, но уже с лаской поцеловали.

Далее – совсем неожиданное. Лично хозяйка за ручку выводит Мальчика за высокие стены колонии, и на очень красивой машине везут его куда-то, а там красочный магазин – вот это «Детский мир», и ему «иные» люди покупают новую одежду, потом ведут к игрушкам, – он молчит, и они сами покупают множество такого, что он даже не запомнил.

Следом они подъехали к какому-то высокому зданию, и здесь все им кланяются, двери раскрывают, и какая-то космическая кабина мчит их наверх, а там, не комнаты, а залы, и такая роскошь, как в кино. И здесь не «иные люди», а многочисленная прислуга вновь раздевает Мальчика, его отводят в огромную ванную, и очень долго отмывают в разных шипучих, сладко пахнущих пенах. После ванны его не могут одеть – уже куплено столько нарядов, что все выбирают, что же надеть вначале.

И вновь они в кабине, только теперь она плавно пошла вниз, а там их ожидают Хозяйка и тот услужливый, на всех языках говорящий молодой человек. А потом был огромный зал, такой же стол, и еда, очень вкусная еда. И есть он хочет, очень хочет, особенно глаза, да в рот ничего не лезет, что-то распирает изнутри, а с обеих сторон сидят эти «иные» тетя и дядя и все больше и больше гладят его, и все целуют, целуют, так что он от этих неожиданных ласк и внимания так устал, что тут же в объятиях то ли заснул, то ли отключился. И попадает он воочию в какую-то странную реальность. Он в родном «Детском мире», и этот мир совсем не сказочный и красочный, а весь разбит, грязен, сер и угрюм, и слышится вой бомб. Зато вдалеке, уже осязаемо, уже наяву, все более и более приближаясь, – пестрый, красочный, сказочный мир, правда, люди там иные, не родные, хоть и улыбаются. А раскрыл он глаза – уже на руках краснощекого, и, действительно, рядом его пухлая, цветущая щека, а хоть и спросонья заглянул Мальчик в его глаза, ничего не видно – очки бликуют стеклянные.

В тех же залах та же прислуга вновь облачила Мальчика в лучшие одежды детдома; попал он в теплые объятия Хозяйки, в машине заснул, а когда разбудили – мрак колонии. И прижимая к своим пышным бедрам, Хозяйка опять отвела его в мальчишечью казарму, все уже спали, и она помогла ему тоже лечь, погладила по головке и приказала:

– Смотрите за ним, – самой доброй воспитательнице.

Больше Мальчик ничего не помнил, он очень устал, он хотел только спать. И вновь это странное видение: он в родном разбитом, грязном «Детском мире», а совсем рядом, недалеко – «иной» сказочный мир. И он не знает, как быть, что делать? Но тут оставаться страшно, он уже слышит, он явственно чувствует, будто не одна, а множество крыс подкрадываются к нему и уже не только принохиваются, а трогают, даже начинают кусать его ноги и руки, и он хочет вскочить, хочет бежать в тот «иной» мир, и с трудом, с усилием, но делает порыв, шаг, другой, и вот он «иной» красочный, сказочный мир. И вдруг в честь него салют, огни, огни, так что все, даже под ногами, меж пальцами рук загорелось. Он вскочил, истошно крича, побежал по казарме, бился о кровати, табуретки, тумбочки, а огонь все горит, все жжет его. Наконец, включился свет, он попал в объятия воспитательницы; все детдомовцы спят, не шелохнутся, и только Дима рядом, с перевязанной головой, и он, увидев обожженные руки и ноги Мальчика, заорал:

– Сволочи, гады! Вы будете вечно жить в этом мире, в этой красной стране, меж этих огней и крови.

А воспитательница на руках отнесла плачущего Мальчика в свой кабинет, уложила в свою кровать, стала спешно звонить. Вскоре появился очень высокий мужчина в белом халате.

– Да, детская жестокость порой похлеще взрослой, – констатировал он, бегло осматривая конечности Мальчика. – «Двойной велосипед» – это когда меж пальцев рук и ног вставляются множество головок спичек и одновременно зажигаются. Обычно это применяют в тюрьмах, реже в армии. Но здесь, среди детей? И откуда им это ведомо?

– Колония, – тихо прошептала воспитательница.

– Ему нужно стационарное лечение, наверняка и оперативное вмешательство. Нежная кожа очень уязвима.

– Так отсюда вывозить детей нельзя.

– Хм, только по решению суда продавать? – ухмыльнулся мужчина.

– Да, – тихий голос воспитательницы. – Как раз сегодня были смотрины.

– Я в курсе.

– Как раз его одного и выбрали.

– А-а, вот в чем дело, даже дети ревнуют, завидуют. Дожили, все хотят отсюда уехать. Но ребенка надо лечить основательно, ведь когда вам надо, вы просите разместить ваших детей в нашей санчасти.

– Да-да, конечно. Но я должна сообщить директору. Даже боюсь позвонить. Что будет!?

– Ради Бога, пока не звоните, – настоял врач. – Мы сейчас перевезем пострадавшего, а потом звоните своей Хозяйке.

Вскоре появилась каталка на колесах. Мальчика закутали в одеяло. Вынесли во двор, долго везли сквозь темный лес, потом калитка, снова лес, новое здание, запах лекарств. Ему сделали укол, и не один. Он плакал, и пока обрабатывали ручки и ножки, он так и заснул со слезами на глазах.

А на следующий день, видать уже ближе к обеду, он проснулся от шума; доктор и Хозяйка о чем-то громко, эмоционально спорили.

– Видите, вы разбудили больного. Покиньте нашу санчасть, сюда вход посторонним воспрещен, – на очень повышенных тонах напирал мужчина.

Испугавшись директора, Мальчик зажмурил глаза, сделал вид, что вновь спит, и вскоре наступила тишина, а он еще долго не раскрывал глаза, пока кто-то осторожно не похлопал его по плечу.

– Просыпайся, – очень ласково, рядом лицо доктора. – Мы пригласили главного специалиста области по ожогам. Да и кушать пора.

При обработке ран было больно. Зато потом его кормили с рук, и как кормили, почти всем миром: шесть бабушек, которые лежали с ним в палате. И может быть, Мальчик этого еще и не понимал, оказывается, одна лесопарковая зона была поделена забором на две части: на одной – детский дом, на другой – дом для престарелых, где Мальчик себя чувствовал очень хорошо, если бы не споры самих бабушек относительно его судьбы. Одни утверждали, что ребенку гораздо лучше уехать в Америку, другие рьяно это отвергали. И как продолжение этого, через пару дней явились все, в том числе и «иные» люди, правда, теперь они не улыбались, а были очень озабоченные, но к Мальчику не прикасались.

– У нас решение суда, и этот ребенок их, – со взбухшими на шее венами напирала Хозяйка.

– Знаю я ваш суд, самый «гуманный в мире»! – со злостью кричал доктор. – Всю страну продали, теперь и за детей взялись, генофонд! Под корень рубите! Вон! Вон из моей санчасти, с нашей территории!

– Вон! Вон! – теперь уже дружно поддерживали и больные бабушки.

После этого еще день-два была тишина. А Мальчик уже пошел на поправку. И хотя ходить ему еще не разрешалось, но на постели прыгал он как хотел, и уже скучно стало ему среди бабушек, хоть в колонию возвращайся. И если днем еще терпимо, то вечером все бабульки куда-то гурьбой уходят, и такая тоска, аж жуть, к тому же из коридора доносится почти каждый вечер какая-то до боли знакомая, щемящая сердце мелодия. И он уже не первый вечер к ней прислушивается и почему-то непременно свой город, свой «Детский мир» и своих родителей со слезами вспоминает. А на сей раз мелодия до того знакомая, тянущая прямо за душу, что он не стерпел, хоть и строго запрещено, сполз с кровати и буквально на четвереньках, пополз из палаты. А там дощатый коридор, с картинами на стенах и более просторный холл, где сидят престарелые люди, и что он видит?! На небольшой сцене пожилая женщина со скрипкой.

– Учитал! Бабушка Учитал! – изо всех сил закричал он.

Этот вечер, пока он не заснул, она сидела с ним. И утром, когда он проснулся – она, улыбаясь, рядом. И как ему радостно, хорошо, как давно-давно не бывало. А еще через пару дней ему уже разрешили не только встать, но даже и обувь надевать. И все вроде бы хорошо, да вновь скандал, только Мальчик этого уже не видел. Где-то на подступах к дому преста-

релых штурм, с судебным приставом и с милицией. Все бабушки и дедушки стали стеной; «инородцев» в свой дом не пустили.

И в тот же день, уже к вечеру, у кровати Мальчика расширенный «консилиум» – здесь почти что сотрудники и обитатели дома престарелых, и все смотрят на Мальчика.

– Ты как хочешь, – наконец тихо у него спрашивает доктор, – туда, где «благодать», или еще как?

– Учитал! Учитал! – прильнул Мальчик к бабушке. – Домой хочу, домой! Там, где «Детский мил», где Вы меня учили.

– Там ведь война.

– Там уже ждут меня мои Папа и Мама. Там «Детский мил» и там мой дом.

– Мой дом тоже там, – тихо прошептала бабушка Учитал.

– Да, да, наш дом там, – жалобно сказал Мальчик, схватил морщинистую руку бабушки и поцеловал.

В тот же вечер доктор привез для Мальчика новую теплую одежду, обувь и уже ночью он же их отвез на вокзал. Ехали на поезде, потом на другом, и на автобусах. И оказалось, что это не так близко, как на карте виделось. И тем не менее, через двое суток, тоже к вечеру, они добрались до Грозного. И этот город был не сказочный и словно не родной. Все разрушено, грязь, мусор, людей мало – и те какие-то хмурые, настороженные, прибитые. Осень в разгаре, идет мелкий дождь, а они – бабушка с рюкзаком на спине, с футляром для скрипки в одной руке, другой держит Мальчика; все стоят на так называемом вокзале и не могут ничего понять, будто в чужом городе, и все здесь действительно иное.

Лишь надвигающаяся страшная ночь заставила бабушку тронуться. Кругом мрак, блокпосты, хмурые люди с оружием, а улиц не узнать, еле-еле по памяти. И все же до Первомайской они дошли. Дом бабушки полностью разрушен, и соседние тоже, и во всех разбитых окнах мрак, ужас.

– Пойдемте ко мне, – почему-то не унывает Мальчик, – там меня ждут Мама и Папа.

Выбора не было. Уже в густых сумерках они тронулись в сторону Сунжи. Здесь та же картина, «Детского мира» давно нет, и уже Мальчик в темноте тащит бабушку.

– Вот наш дом, – они вошли в сырую, темную, продуваемую арку. – А вот наш подъезд, – будто по нюху ориентируется Мальчик.

А подъезд хоть и разбит, да кое-как ухожен, и видно – здесь ходят, и даже веет жилищем, теплом. Из-за прыти Мальчика, чуть – ли не бегом взойшли на второй этаж. У закрытой металлической двери мокрая тряпочка, свежие следы.

– Папа, Мама! Я велнулся! Откройте, – застучал Мальчик.

Дверь открылась.

– Тетя Ложа? – удивился ребенок.

– Кјант, дашо Кјант<sup>4</sup>, – женщина села на колени, обняла Мальчика, дрожа тихо заплакала.

---

<sup>4</sup> Кјант, дашо кјант! (чеченс.) – Мальчик, золотой Мальчик! (сын, ребенок, молодец).

## Глава третья

Мальчику она приходилась тетей – двоюродной сестрой его матери. По-настоящему звали ее Марха<sup>5</sup>. Видать кто-то из предков решил, что она чересчур чернява или еще как. Правда, это имя с ней не прижилось и еще, где-то в начальных классах, ее стали почему-то называть Розой, так и пошло с тех пор – двойное имя, что нередко у чеченцев встречается – по документам Шааева Марха, а в жизни просто Роза.

Сказать, что от смены имени жизнь ее стала цвести, – невозможно. Скорее ее судьбе соответствовало настоящее имя, и не облако, а скорее сумрачная туча.

Ее отец, из-за депортации не образованный, занимался отходничеством, словом, шабашничал где-то в Сибири, дома появлялся только в зимние месяцы, изрядно пил, и когда Розе было лет десять, он умер. А Роза, старшая, – кроме нее еще два брата, – с детства, как могла, помогала матери. Окончив лишь восьмилетку, она устроилась на курсы.

И кто бы мог подумать, что судьба так распорядится. Вроде совсем незаметный был парень, лет на пять старше нее, а в последнее время так раскрутился, что только о нем во всей округе говорят. Ныне рыжий Гута заготовителем шерсти где-то в Калмыкии работает, раз в месяц в Грозном показывается, и каждый раз у него новая машина. И братьям двум машины купил, и дом огромный строит, и вообще, совсем по-иному Туаевы жить и выглядеть стали.

Конечно, все это хорошо, и мать Розы и вся родня согласие дали, да и как иначе, вроде все нормально. Однако сама Роза, может для порядку, хотя до этого особых предложений и не поступало, взяла некоторый тайм-аут, стала все взвешивать.

Минусы есть. Рыжий, синеглазый – такие ей не нравились, но, ей – Богу, и признаться грешно, а иным отныне она мужчину и для себя не представляет, ведь надо как-то разбавить ее смуглость и черноволосость. Не образован, или малообразован, хотя говорят, что есть у него «корочка» какого-то грозненского техникума, и якобы, по специальности – он бухгалтер-экономист. Так диплом о высшем образовании сейчас не проблема, лишь бы деньги были, а они у него есть. Главное, что Гута уже определился в жизни, свой хлеб имеет, а не как иные в штопанных штанах ходят. Словом, эти минусы в плюсы превратились. Да минус есть, и еще какой. Роза ревнива, очень ревнива, а ее жених уже был женат, и знает она ту девушку, правда, недолго они вместе жили и детей не заимели. В общем, согласна, к тому же Туаевы чуть ли не клятвенно заверили – учится Роза и дальше будет, им в доме свой медработник весьма кстати.

Свадьба была просто роскошной, настоящий пир, и не один день. И подарков ей надали – мечта: теперь она в золоте, а наряды!

Сам жених больше всех рад. По крайней мере целую неделю, как говорится, «не просыхал», а потом дела, и он уехал ненадолго в Калмыкию, а ее не взял, и это уже недобрый знак. А следом – медработники Туаевым не нужны – все здоровы, и она стала просто домработницей, к которой раз в месяц наезжал муж. А ее муж, что дома, что в округе чуть ли не полубог. Полчаса – час посидит с родными, поговорит, главное – деньги для всех выложит, и тут как тут и друзья его уже возле дома околачиваются, гулять зазывают, где-то у речки уже шашлыки пережариваются, музыканты разогреваются, наверняка и иные соблазны есть. В общем, в лучшем случае под утро ее муж к ней пьяный является, и ему уже не до жены, спит. Еще сутки, когда двое, от гульбы отходит, и как только может сесть за руль, даже по-человечески с женой не поговорив, не попрощавшись, уезжает, а все в округе твердят – как Розе повезло, на все готовое пришла, и дом новый строится.

---

<sup>5</sup> Марха (чеченск.) – облако, туча.

Действительно, Гута по соседству хороший участок купил, дом строит, и теперь Розе приходится еще тяжелее, ведь и строителей кормить надо, а она уже в положении, да разве это оправдание – для ее потомства фундамент, да немалый, закладывается.

Где-то через год после замужества Роза родила девочку; маленькую, синеглазую, рыжую – в отца. Ребенок был болезненный, все время плакал, а отец лишь мельком пару раз на дочь глянул, – на лице недовольная гримаса, мол, нам мальчиков, да здоровых надо. И до этого Гута холоден был с женой, а теперь и вовсе отстранился, даже спит в другой комнате – плач ребенка ему храпеть не дает.

А далее стало еще хуже, и если раньше Гута хотя бы раз в месяц появлялся, то со временем и через полтора, два, а потом и три. У Розы дочь, какая-никакая, а семья, и ребенку и питание и одежду и лекарства купить надо, – денег у нее нет, хоть и видится внешнее благополучие.

Оправдываясь перед родственниками, что ей нужны деньги, хотя дело совсем в ином, – она ревновала, – Роза, как давно замышляла, попросила денег у родного брата, на иждивении которого она в последнее время жила, и впервые в жизни выехала за пределы Грозного, аж до Калмыкии, благо адрес мужа она уже давно выписала.

Лето на исходе – пыль, жара. Небольшое село в бескрайней степи. Здесь дома не такие, как в Чечено-Ингушетии, – небольшие, в основном саманные. Да дом мужа поприличнее остальных; во дворе пара разбитых машин, под навесом мешки с шерстью, сыромятные шкуры, запах, мухи и какая-то женщина, никак не моложе нее, весьма упитанная, если не сказать толстая. Подспудно о наличии этой женщины Роза давно догадывалась, и боялась, что не сдержится от ревности при встрече. А теперь на нее она даже не смотрит – мальчишка, уже не маленький – лет пяти-шести, возится возле велосипеда – просто копия Гуты.

Может быть, и не следовало, да сами ноги повели Розу во двор, и она машинально спросила Гуту, и без приглашения села – сил не осталось.

Хозяйка вначале опешила, долго руками стирала густой пот, выступивший на лбу. Потом вроде пришла в себя, даже холодный компот для гостыи принесла, и будто диалог меж ними уже давно шел:

– Меня зовут Оксана. Гута если и приедет, то очень поздно. А я тебя давно знаю, фотографию свадьбы «доброжелатели» подкинули. Однако я законная жена, – она демонстративно показала свидетельство о браке – и как видишь, раньше тебя устроилась, – то ли с усмешкой, то ли с сожалением продолжила она, кивнув в сторону мальчика.

– Эта писулька со звездой безбожников и идолопоклонников не делает ваш брак законным, – сквозь зубы тихо процедила Роза. – Перед Богом и людьми мой брак и моя дочь – законны, – она встала, стакан в ее руках дрожал, – и как видишь, я ни раньше, ни позже – не «устроилась». И даже не зная о вас, давно жалею об этом браке.

Залпом выпив компот, жажда одолевала, и больше ни слова не говоря, Роза торопливо ушла.

Почти что не соображая, немало времени провела в центре села, будто ожидая автобуса до Элисты. И лишь когда солнце покатилося к закату, она встрепелась – надо где-то переночевать. Тут она увидела смуглого подростка на велосипеде.

– Ты не чеченец? – кинулась она к нему.

– Нет, а чеченцы вон там живут, – указал велосипедист на дом Гуты.

– А еще есть? – встревожен голос Розы.

– Есть, на чабанской точке, вот по той дороге идти надо, – в сторону бескрайней степи.

Туда было тронулась Роза, да голос ее остановил.

– Девушка, стой, заблудишься, там развилка-то не сосчитать, – под густой кроной вишни сидит старушка, от зноя скрывается. – Может, у нас переночуешь? А нет, сейчас мой дед тебя с ветерком доставит, и без того туда ежедневно мотается – друзья.

В коляске трехколесного мотоцикла действительно стало попрохладней. И встретили ее как почетную гостью, аж неудобно, даже барашка зарезали, хоть и говорили, что каждый день это делают. А Розе кусок в горло не лезет, и вроде ничего она и не сказала, а ей уже все объясняют.

– Конечно, твой, или ваш Гута – парень деловой, крутиться умеет, и вроде даже молодец. Так это – как посмотреть. А на этой Оксане он не просто так женился; девок, тем более русских, да гораздо краше – пруд пруди. Да он за этой необъятной все ухаживал, отец у нее директор районной заготконторы. Как на Оксане женился, так и стал Гута главным заготовителем шерсти в районе, а шерсть здесь – все; огромные деньги. А до этого постоянно в колхозе ошивался, вкалывать как мы, не хотел, все время в долг просил, словом, из грязи – в князи, его машин не сосчитать. Правда, времена ныне меняются – шерсть государство не закупает, да и нет уже никакого государства, даже зарплату не платят.

На следующее утро хозяин чабанской точки возился возле старенькой машины; землячку в горе бросать нельзя, решено отвезти Розу до самого Грозного, а это путь не близкий. Жена чеченца, пожилая женщина, всю дорогу молчала, пребывала в дремоте. Розе расслабляться нельзя, надо слушать водителя. А старик, словно не чабан, а заправский политик, всю современную историческую ситуацию разъяснил, ведь пассажирка его явно далека от всего этого.

Оказывается, «огромная сильная страна СССР без единого выстрела, лишь росчерком пера трех собутыльников перестала существовать». Горбачев – предатель, Ельцин молодец – всем свободу обещает. Не сегодня-завтра и в Грозном грядет смена власти – свой генерал объявился, будет сплошная благодать, много работы и наконец-то он с семьей вернется домой.

Эту политинформацию Роза быстро забыла, не до политики, у нее свои проблемы, и не зашла бы она больше в дом Туаевых, да дочь больная заставила, а следом и сам Гута объявился, и не как раньше, а показал, что муж, избил ее основательно. И тогда она не ушла – не хотела синяки родным демонстрировать. А потом позабыла она и мужа и все остальное – дочка совсем плохая стала, слегла она с ней в больницу.

– Ребенка надо в Москву, или хотя бы в Ростов везти, – советуют ей врачи, у нас нет оборудования.

Выписалась Роза с ребенком из больницы и как ни странно, муж ее, оказывается, уже неделю в Грозном, и ладно пусть жена его не интересуется, однако, хотя бы дочь проведать должен был. Высказала Роза свои обиды – Гута и не среагировал. Тогда она второпях, пока не убежал, рассказала о здоровье девочки, попросила денег на поездку в Москву.

– Нет у меня денег, нет, – вскипел муж, – надоели вы мне все, надоели.

Конечно, Роза уже догадывалась, что дела у мужа пошли неладно, и уже не впервой он деньги не домой, как раньше, а из дома увозит, что-то распродает, отчего родные им ныне недовольны. И не только Гута, но и все Туаевы носы повесили, помрачнели, и какие-то люди почти каждый день к ним наведываются, и не просто так с претензиями, деньги требуют. А следом хуже напасть – прокуратура Калмыкии и Ставрополя Туаева Гуту разыскивают, и он то дома отсиживался, а теперь и из дома куда-то бежал, как слышала Роза краем уха, куда-то в горные аулы, у родни отсиживается.

Розе не до этих «разборок», у нее одна забота – здоровье дочери, и оно с каждым днем все хуже и хуже, а родня мужа безучастна – дочери у них не в почете, хотя своих дочерей и сестер любят. Совсем запаниковала было Роза, да времена идут, ее младшие братья, которых она считала юными, оказывается, уже повзрослели, деньги зарабатывают, как услышали о проблеме сестры, тут же откликнулись.

Засобиравлась Роза в Москву, уже и билеты купила, а дочь совсем ослабла, дорогу не осилит; вновь, надеясь ее подкрепить, Роза с дочерью легла в местную больницу, – ничего не помогло, ребенок умер.

Тяжело, очень горько переносила Роза эту потерю, а ее муж так и не появился во время траурных дней, после окончания которых она, как могла, объяснилась со свекровью, и не видя никакой поддержки и теплоты, навсегда ушла к себе домой, попросив, чтобы муж в соответствии с ритуалом, с нею развелся.

Как женился на ней Гута, так и развелся – сам даже не появился, он вроде бы теперь в далеких краях, а просто его братья, будто бы виновато, объявились, что-то промямлили, словом, она свободна.

Казалось Розе, что мир не только померк, но вся ее жизнь закончилась, да братья поддерживали.

– Дочь потеряла, конечно, горе. А то, что от Туаевых ушла, – даже хорошо. И нечего долго горевать, ты лучше давай медучилище заканчивай, мы поможем.

Так она и поступила, и среди молодежи ей значительно полегчало, да что-то училище совсем не то. Как и СССР, Чечено-Ингушетия тоже распалась, теперь отдельная Чеченская Республика, и власть другая, и порядки иные, так что и на учебном заведении это отразилось, многие педагоги уволились, зарплаты и стипендий нет. Розе сдаваться нельзя, профессию она любит, и по совету знакомых медиков, да и чтобы братьям особой обузой не быть, она вначале устраивается работать на «скорую помощь», но эта служба дышит на ладан – в Грозном практически связи нет, и тогда ей с трудом удастся устроиться санитаркой в городскую больницу.

Работа не из легких, и порой совсем неприятна, но это и есть медицина, и это не простая училищная теория, а колоссальная практика, – значит, рост, к окончанию учебы она уже медсестра, и теперь не только на работе, а даже дома покоя нет – тому капельницу поставить, там укол, и даже как к врачу к ней обращаются, и это тоже уже по новым временам, когда, как и многое остальное, – медицина тоже разваливается. Те, кто устраивал революцию, захватил власть, утверждают – нечего болеть, нация должна состоять из здоровых людей, а если Бог не дал здоровья, значит так предписано Им – Слава Аллаху! И вообще, не только враги, но и всякий образованный люд – не в почете! А в почете и у власти – те, кто, вроде бы, храбрее, мужественнее, патриотичней.

И, может, кто-то и удивился, даже не понял, но только не Роза, когда узнала, что ее сосед Гута Туаев теперь большой начальник, на новый манер рыжую бородку отрастил, частенько по телевизору пламенные речи ведет, будто политик, а главное, у него обнаружился новый дар – градостроительный, и он отныне отвечает за все строительство и жилищнокоммунальную сферу столицы республики. И не видит Роза более бывшего мужа за рулем, у него персональный водитель и несколько охранников с автоматами. Туаевы вновь на коне, почти что пол квартала выкупили, и если Грозный на глазах буквально хиреет, то на участках Туаевых действительно градостроительный бум. И вроде бы Розе не до Туаевых, но проходя ежедневно мимо их грандиозныхстроек, где даже работают в основном приезжие – якобы лучшие специалисты, у нее настроение надолго портится. И она внушает себе, что это не от того, что ее судьбу сломали, а хуже – что ситуация в городе более чем плачевная, а уж что творится в больницах, и словами не передать – никакого бюджетного финансирования, зарплату давно не платят, лучшие специалисты бегут, а те, что остались, вынуждены от пациентов деньги брать, а у кого их нет – те в коридорах стонут. В общем, небольшая когорта, воспользовавшись переворотом, всякими способами дорвалась до власти, окружила себя многочисленной охраной и теперь жирует, чуть ли не замки строит, в то время, как народ бедствует. Как утверждают лидеры – все это «ничего, революция требует жертв, надо терпеть, зато треть, оставшаяся в живых, будет жить в настоящем раю».

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.